

ТРОЄ ИЗ ЛЕСА + ТРОЄЦАРСТВО

ПЕСНЬ
ТАРГИТАЯ
Гойда

ЮРИЙ МОЛЧАН

Юрий Молчан

Песнь Таргитая. Гойда

«Автор»

2026

Молчан Ю.

Песнь Таргитая. Гойда / Ю. Молчан — «Автор», 2026

От соавтора романов "Таргитай", "Таргитай-2 Освобождение", "Яфет" и "Трое и Атлантида". Артания и Куявия долгие годы жили в мире. Пока на пиру не явился Таргитай и не показал Камень богов, из-за которого стоит поднять дружины. Тцар Волот идёт на север, чтобы вернуть Артании славу, от которой дрожат соседи. Брат Имир следом — спасти отца и не отдать камень Волоту. Между ними Славия, горы Гипербореи и кровь на кордонах. Кладенар обещает могущество тому, кто дойдёт первым. Снова звучит дудка Таргитая. Снова спорят волхвы и воеводы. В тцарских дворцах плетутся интриги. Дружины снимаются с места, брат идёт на брата под клич «Гойда», а с неба падают огненные камни. Для тех, кто ждал новую книгу «Троих из Леса» и «Троецарствия».

© Молчан Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Посвящение	5
Вступление	6
Часть 1	7
Глава 1	8
***	10
***	11
***	13
***	14
Глава 2	17
***	21
***	25
Глава 3	27
Глава 4	31
***	34
***	35
***	36
Глава 5	39
***	42
***	43
***	44
Глава 6	47
***	49
Глава 7	53
Глава 8	56
***	59
***	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Юрий Молчан

Песнь Таргитая. Гойда

Посвящение

По мотивам вселенной Ю. А. Никитина «Трое из Леса» и «Троецарствие.»
Автор выражает благодарность Юрию Александровичу Никитину за вдохновение, оригинальную идею и созданный мир.

Светлой памяти Юрия Александровича Никитина.
Данное произведение является художественным вымыслом.
У героев романа нет прототипов в реальной жизни.

«Твой новый мир.
Ты верил в него,
Обрекая на гибель врагов»
«Твой новый мир», «Ария», сл. М. Пушкина

Вступление

Имир погнал коня вперед, держа взглядом в прорези шлема старшего брата. Волот все ближе, вновь закрылся щитом, размоzzжил голову одному куявянину, затем сшиб ударом с коня другого.

— Волот!! — закричал подъехавший Имир. — Со мной сразись, брат! Хватит губить воинов!

Всадник в шлеме-маске обернулся, как показалось Имиру, и вздрогнул, издав полный радости и торжества крик. Оставив еще одного куявского воина лежать с разрубленной головой, пришпорил коня и погнал навстречу. Позади него полыхает охваченная огнем поляна вместе с шатрами и чучелами ложного воинского лагеря.

Имир и всадник в шлеме-маске сшиблись в лютой схватке, осыпая друг друга ударами. Оба умело закрываются щитами, так что стоит громкий глухой звон. Артане и куявы невольно остановились, переводя дух и, затаив дыхание, наблюдая за двоебоем. Факелы в их руках потрескивают и чадят, а некоторые лежат на земле рядом с поверженными воинами, давая достаточно света, чтобы видеть бой.

Тот, кого Имир принял за Волота, ловко вертится на коне, обрушивая могучий топор, а иногда и добавляя удары ребром щита. Имир принимает удары на щит, тот уже весь в глубоких вмятинах, или уворачивается, рубя в ответ мечом или норовя пронзить врага. Наконец, оба отбросили помятые щиты, меч и топор замелькали в ночном воздухе подобно молниям. Из-за облаков вышла луна, заливая поляну призрачным бледно-желтым светом.

Меч Имира превратился в смазанную полоску стали, что стремительно мелькает перед ним. Противник работает топором столь же быстро. Артанин сделал обманный выпад, меч Имира рассек воздух, и тут же тцар едва успел вскинуть его, чтобы блокировать сильнейший удар сверху.

Дыхание вырывается с хрипами, грудь тяжело вздымается вверх-вниз. Имир заметил, что супостат тоже порядком утомлен боем, но сдаваться не собирается.

Увернувшись от топора снова, куявский тцар ринулся вперед, выставив перед собой меч и пришпорив коня. Противник не успел среагировать столь же быстро. Имир успел заметить, как глаза в прорези шлема в ужасе расширились. На мгновение показалось, что это глаза не брата, но очень похожи. В тот же миг кончик меча ударил артанина в горло чуть ниже кадыка, войдя как раскаленный нож в масло. Из раны хлынула кровь, заливая панцирь.

Имир качнулся в седле, потрясенный содеянным. О, боги!! мелькнуло в голове. Неужто я убил брата...?!!

Часть 1

Глава 1

— Тебя подослал мой брат Имир? — спросил Волот хмуро. — Чтобы он один смог завладеть Кладенаром, убрав меня с дороги? Отвечай!

Растянутый на стене на толстых цепях узник хмуро промолчал.

— Если это действительно Имир, — проговорил тцар Волот, словно обращаясь к самому себе, — как же низко он пал! Подсылать к старшему брату убийц, чтобы заполучить магический Камень богов...

Артанский тцар кивнул пыточных дел мастеру. Тот приблизился к узнику. От прикосновения раскаленного до вишневого цвета прута растянутый на цепях над полом человек вздрогнул, из испачканного засохшей кровью разбитого рта вырвался крик. Даже сквозь плотно стиснутые зубы он вышел надрывным, исполненным боли. Цепи, что растягивают его возле каменной стены подвала, издали глухой звон. Выпуклые мышцы груди испещрены ожогами, по всему телу синяки размером с кулак.

— Признавайся, кто твои сообщники, Левкор, — прорычал артанин в кожаном переднике, забрызганным засохшей кровью. — Где их искать? С кем вместе готовил покушение на нашего тцара?

Распятый на цепях громадный артанин улыбнулся разбитыми губами, показав крепкие белые зубы, промолчал, но на заросшем щетиной лице насмешка, глаза тоже смеются.

— А ну, дай я сам, — сказал Волот, решительно подходя к разложенным на деревянном столе пыточным инструментам. — Посторонись, Каргон.

В свете коптящих на стенах факелов и полыхающей жаровни тускло поблескивают железом крюки различных форм, ножи с зазубренными лезвиями, с выгнутыми, пара молотков с тяжелыми набалдашниками, топор, штопор, для вкручивания в кишки, и прочие орудия, чтобы выбивать признание. Двое высоких артанских воинов, сопровождающих тцара всюду во дворце, молча стоят у стены, вытянув руки и равнодушно взирая на пыточную и распятого на цепях человека.

— Разумеется, ваше величество, — с готовностью молвил пыточных дел мастер, отходя в сторону, чтобы освободить место перед подвешенным на цепях. — Выбирайте, что вашей душе угодно.

Волот несколько мгновений смотрел на разложенные перед ним на потертой кожаной подкладке инструменты для пыток. Протянул руку к тяжелому молотку, взвесил в руке. Но потом бросил взгляд на подвешенного пленника и покачал головой — не подойдет.

Для молотка нужно, чтобы конечности были плотно зафиксированы, а этот подвешен на цепях к потолку. Отставив молоток, тцар взял извилистый крюк, снова взвесил в ладони, взмахом распорол воздух. Положил на место. Наконец, посмотрел на прут с уже остывающим концом в руке палача, и протянул длань:

— Разогрей прут, Каргон.

Пыточный мастер быстро кивнул, с готовностью сунул прут в жаровню. Разворошенные угли на миг вспыхнули, словно россыпь мелких красных яблок. Ставив с руки толстую рукавицу, Каргон протянул тцару, и тот быстро надел на правую руку. Затем вытащил из жаровни уже успевший раскалиться до красно-желтого цвета прут и шагнул к прикованному артанину.

— Левкор, — проговорил тцар негромко, — ты же знал, что за попытку меня убить и подстрекательство к бунту последует кара. Всяк в Артании это знает. Тцарская власть в нашей земле — священна. Значит, ты был готов к такому исходу.

Он ткнул подвешенного прутом в подтянутый живот. Раскаленное железо зашипело, прожигая вспотевшую кожу, и Левкор закричал. Тцар надавил, прижимая железо сильнее, и испол-

ненный боли крик сделался громче, надрывнее. Когда раскаленный металл коснулся кожи, стены подвала содрогнулись от крика на высоких нотах.

— Я скажу....- прохрипел Левкор, — все скажу...перестань мучить, тцар....

— Конечно, скажешь, — хмуро проговорил Волот, — куда ты денешься.

— Это...Это не Имир! — прохрипел узник. — Богами клянусь!

Волот усмехнулся и кивнул.

— Что ж. Рад, что не ошибся в младшем брате. Кладенар все равно будет моим!

Дверь распахнулась, и на пороге появился молодой, высокий, статный воин с полуголым мускулистым торсом, широкими плечами и бычьей шеей — тцаревич Рамзаган.

— Отец! — попросил он торопливо, глядя на истерзанного, растянутого за руки цепями пленника. — Ты же обещал мне тоже дать попробовать! Я столько ждал...

За тцаревичем мелькнули двое телохранителей, но остались снаружи, в освещенном факелами коридоре.

— Входи, сын, — кивнул Волот. Дождавшись, пока тцаревич подойдет, протянул раскаленный прут. — Пора делать из тебя настоящего мужчину и тцара. Ты уже показал себя в боях и прекрасно владеешь оружием. Но чтобы стать настоящим правителем с твердой рукой — ты должен стать глухим к крикам и мольбам недругов. Лучше упражнения, чем пыточный подвал, не придумаешь.

Отойдя сторону, тцар любовался своим единственным сыном — его могучей статью, красивым мужественным лицом, широкими плечами, руками, что увиты тугими мускулами. А характер — такой же упорный, настойчивый, негибемый, готовый идти до конца ради достижения целей.

— Мне надо идти, — сказал он сыну. — Проследи, чтобы эта паскуда все выложила про сообщников, а потом, так и быть, получила милосердную смерть. Хотя, это уже — на твое усмотрение, сын — милосердная или нет.

Телохранители бесшумно отделились от стены и последовали за тцаром в коридор, поправив громадные топоры в ременных петлях. После недавнего провального покушения они следуют за Волотом повсюду во дворце.

Выходя за дверь, тцар слышал, как Рамзаган с азартом принялся избивать пленника. Судя по глухим звукам ударов, энергичному хэканью и крикам боли, бьет металлическим прутом по лицу, голове и по всему остальному телу.

Каменные стены дворца медленно проплывают мимо Имира. Тцар идет по коридору, вдыхая сладковатый аромат сгорающего в лампах масла, проходя мимо альковов, фресок, вырезанных в стенах ниш. Оттуда его взглядами провожают могучие герои древности, идола богов Куявии. За ним в двух шагах следует два стража. Тцар предпочитает во дворце перемещаться без них, но их присутствия требует этикет, и секретарь да ближайшие советники настаивают, чтобы ходил по дворцу в сопровождении — иначе урон репутации. Да и беры перестанут уважать, от рук отобьются. А им только дай волю.

Имир идет, задумчиво глядя перед собой, машинально отвечая на приветствия движущихся навстречу высокородных беров и прочих сановников. Мысли в голове тцара роятся, словно рассерженные пчелы. Сейчас завершаются последние приготовления к походу. Ранее он призвал верховного волхва Белояра, и тот по памяти описал примерный маршрут, по которому Имиру с войском следует двигаться за волшебным камнем под названием Кладенар. Только он сможет спасти Колвира, отца Волота и Имира, который неизлечимо болен. Имир понимал, что отцу поможет лишь чудо. И это чудо — Кладенар.

Белояр несколько раз бывал в тех краях по молодости, когда ходил в наемниках по всему Троецарствию.

Сварог, явившись на тцарский пир несколько дней назад, не дал направления, где искать волшебный камень. Зато всех порастил магическими видениями, играя на волшебной дудочке, и демонстрируя мощь Кладенара.

Имир уже даже выбрал регента на время своего отсутствия — благородный бер Яросвет. Он хорошо зарекомендовал себя на кордоне с дикими племенами, что повадились нападать с диких земель Славии.

Тцара все равно захлестывала тревога — разведчики сообщают, что брат Волот тоже готовится к походу за Камнем. Он предлагал брату объединить усилия, отправиться вместе. А уж, когда найдут Кладенар, то решить, как его поделить. Но Волот категорически отказался. Потребовал, чтобы младший брат сидел в Куябе и не путался под ногами.

Перед мысленным взором Имира вновь пронеслось таинственное явление Сварога на пиру. Таргитай, как его называют в народе, показал Имиру и Волоту, а также всем в пиршественном зале видение чудесного, исходящего золотым светом магического Камня.

Кладенар обладает мощью богов, ибо в глубокой древности сам упал из вирия: он может исцелять смертельные хвори, залечивать раны, а также истреблять врагов того, кто несет его перед своим войском. Может даже сравнять с землей крепостные стены и целые города!

Пройдя несколько поворотов и залов, поднявшись по широкой лестнице, тцар с сопровождающими воинами остановился возле украшенных золотом дверей на верхнем поверхе дворца. Жестом велел воинам оставаться в коридоре. Стражи у дверей вытянулись по струнке, пропуская тцара, и Имир переступил порог.

Просторная опочивальня ярко освещена пламенем пылающих на высоких железных подставках светильников. Пылают жарко, несмотря на бьющий в окно яркий солнечный свет. На столе, за которым сидит сторбленная старческая фигура, тоже горит несколько плошек с маслом. Сидящий за столом человек с тихим скрипом двигал пером по пергаменту, задумчиво выводя черты и резы, что соединяются в слова. За спиной у стены расположилось покрытое перинами деревянное ложе.

Когда Имир вошел, старик поднял голову, и седые волосы упали на плечи, рассыпаясь, точно серебро. Тцар в очередной раз поразился, насколько сильно исхудал отец. Еще год назад был крепким, могучим стариком, но сейчас страшная болезнь стремительно выпивает все соки. Колвир стремительно убавляет в весе. Кожа на лице отливает желтизной. На скулах стали выпирать желваки, подбородок сделался острее, надбровные дуги теперь кажутся нависшими над очами наростами. Глаза сморят на мир, словно из пещер. Но старик выглядит бодро, доброжелательно. При виде сына улыбнулся, обнажая зубы с налетом желтизны.

- А, - сказал Колвир негромко, - это ты, Имир.

- Отец, - молвил тцар, проходя в скромно обставленную опочивальню, - я пришел проститься. Завтра отправляюсь за Кладенаром. Он исцелит твой недуг.

Колвир откинулся на широком стуле, мрачно рассмеявшись. Губы тут же скривились от прострелившей желудок боли, но Колвир насмешливо улыбнулся, словно дразня убивающую его болезнь. В серых глазах все еще горит огонек упорства и воли к жизни.

- Сын, мой недуг исцелит только смерть. Я ее не боюсь. Чего не хочу, так это вражды между тобой и братом. Еще меньше хочу, чтобы вы, не дай боги, затеяли друг против друга войну. Я правил Куявией и Артанией как одним тцарством много лет. А до меня — мой отец и дед. Я вновь разделил эти земли, когда вы выросли, дабы не передрались за наследство. Вновь Артанию и Куявию разделили кордоны, и как я вижу, дело идет к древней вражде. Последняя война была сотни лет назад, когда Придон двинул артанские дружины на Куявию, которой правил Тулей. Страшно подумать, сколько тогда погибло куявов и артан.

Но теперь времена иные — и куявы, и артане уже не те, что раньше. Если начнется война, прольются реки крови с обеих сторон. Куявы уже не те заплывшие жиром торговцы, что были раньше. Мы выросли, укрепились, закалили дух! Артане же частично ослабели, разленились. Но в глубине души остались такими же сильными и свирепыми, как и в древние времена.

Но теперь они...больше озверели, что ли.... Мне не нравится, как правит твой сводный брат, и что себе позволяет на троне. В Артании никогда такого не было. Артане всегда ценили честь, справедливость, доблесть, силу. Но за последние полвека с ними что-то произошло. Нечто стало их подтачивать изнутри. Силу они ценят и уважают по-прежнему, доблесть тоже, а вот честь, справедливость, правду... Они стали забывать, что это такое. Они стали любить золото. Но предпочитают награбленное, а не заработанное, как мы, куявы.

Имир не стал отвечать. У него к брату противоречивые чувства. Он любил Волота, они росли вместе, но в то же время, видел, что старший брат, получив престол Артании, стал отдаляться, становиться другим. Более агрессивным, высокомерным, нетерпимым по отношению к Имиру и всей Куявии.

- Я отправляюсь на поиски Камня, - сообщил Имир.

- Я слышал легенды о Кладенаре, - сказал старик, глядя в стену невидящим взором, словно что-то вспоминая. - Когда был молодым и исполненным сил, тоже, помнится, отправился с огромной дружиной его искать. Но поиски были тщетными. Зато повидал в дороге много такого, чего не зрел ни один житель не то что Куявии, а всего Троецарствия. Хе-хе. Мда, было время. - Он посмотрел на внимающего сына. - Мне встретилось много необычных созданий, о которых сказано лишь в древних книгах. Они исчезли из нашего мира с приходом людей, но в том краю, где схоронен Кладенар, они все еще обитают. Будь осторожен, сын.

- Благослови в дорогу отец, - попросил он, опускаясь перед Колвиром на одно колено.

Старик положил ладонь ему на макушку, потрепал по светлым волосам.

- Да хранят тебя боги, - молвил он. - И да сопутствует добрая Удача.

- Я больше верю в успех, - сказал Имир, поднявшись на ноги и улыбнувшись. - Береги себя отец. Я оставляю на регентстве Яросвета. Он будет за тобой приглядывать.

- Пусть лучше приглядывает на Куявией, а не за мной, - сухо заметил старик. - Хвала богам, я еще хожу сам. И не под себя.

Тцар рассмеялся, кивнул и повернулся, чтобы идти.

- Имир! - воскликнул Колвир вслед. - Не дай Волоту заполучить Кладенар!

Имир обернулся, посмотрел вопросительно.

Колвир прокашлялся, заговорил снова:

- Легенды гласят, что в Камне — огромная сила, низринутая на землю богами из самого Вирия. Алатырь-камень, от которого откололи Кладенар, в древности упал с неба, объятый страшным огнем... Ежели Кладенар попадет в злые руки... Чую, Волот пойдет войной не только на Куявию. Он возжелает править всем Троецарствием. Кладенар даст ему Силу, которая будет сметать с пути армии и неприступные стены, сравнивать с землей горы!

- Но ведь, говорят, человек с нечистым сердцем к Камню прикоснуться не может, - возразил Имир.

Колвир отмахнулся. В глазах с россыпями морщин вокруг мелькнула насмешка.

- Ты как маленький. Людей с чистым сердцем давно не осталось. С каждым поколением чистоты в людях все меньше. Если не мечтаешь убить соседа, поиметь его жену и пограбить имение, считай, у тебя уже кристально чистое сердце и душа. Поэтому Кладенар должен заполучить ты, а не Волот.

- А что если это я, когда добуду Камень, захочу завоевать Артанию и все Троецарствие?

- спросил Имир, раздвинув губы в провоцирующей улыбке, как бы давая понять, что говорит не всерьез.

Старик глянул пристально, медленно покачал головой.

- Зрю насквозь. Ты... не способен. - Он поморщился от боли, коснулся ткани рубахи под кафтаном, пальцы нащупали впалый живот, где острая боль вливается во внутренности, точно волчьи клыки, рядом с торчащими ребрами. - Теперь ступай. Мне нужен отдых.

Темнеющие городские улицы резво несутся навстречу, одетый в плащ с надвинутым на голову капюшоном Имир гонит коня вперед, оставив дворец с главной площадью далеко позади. Булыжная мостовая под копытами отдается гулким стуком, навстречу изредка проносятся другие всадники, конные воины, едут крестьянские телеги и богато украшенные повозки боров да купцов.

По обочинам идет простой люд, воины, мастеровые. В домах уже зажигают светильники, окна начинают тепло и уютно светиться. Доносится стук посуды, голоса, веселый и задорный смех. Куявский люд расходится по домам. Яркий закат на полнеба над городом тает, на Куябу постепенно спускаются сумерки, густеют. Вечер движется к ночи.

Имир скачет в одиночку, надев кожаный доспех и укрывшись от посторонних глаз плащом с капюшоном. В очередной раз выехал в ночной город один, не сказав ни слова даже страже. Лишь один ближайший советник, перешедший еще от отца и знающий Имира с младенчества, Торкунар, знает, куда направился тцар, чтобы в случае беды, направить дружину на поиски. Но пока что такой надобности не было — тцар всегда возвращался под утро.

Имир и не заметил, как пересек несколько широких улиц и площадей, торговые ряды, оставив за спиной половину Куябы. Подъехав к таверне с фонтаном перед входом, где приветливо и зазывающе светятся окна, из открытой двери доносятся смех, пьяные голоса и выкрики, привязал коня и дальше направился пешком. Капюшон надвинул глубже на глаза, то и дело бросая взгляды по сторонам.

Пару раз ладонь непроизвольно дернулась к висящему на поясе мечу, когда навстречу направлялись крепкие мужики. Но в итоге то оказывались просто веселые гуляки, что начинали орать во все горло пьяные песни. Звуки пения эхом неслись по пустым, окутанным покрывалом ночи улицам.

Имир миновал еще несколько кварталов, проходя мимо городской стражи и пьяных ночных гуляк, праздновавших беспечную жизнь в столице богатейшего тцарства, Куявии. Наконец, добравшись до трущоб на окраине города, пройдя мимо квартала кузнецов и кожевенников, Имир свернул на маленькую улочку. Дорога привела к неприметному дому в два поверха. Он не заметил идущего следом в отдалении в темноте человека в плаще и надвинутом на лицо капюшоне.

Бросив настороженные взгляды по сторонам, Имир постучал в дверь — три стука с паузами и два быстрых подряд. Дверь тут же открылась, поток света разрезал темноту, и тцар переступил порог. Дверь тут же затворилась. И вновь улицу окутала тьма, наполненная тихим стрекотом цикад. Следивший за тцаром человек постоял некоторое время, прислушиваясь. Затем двинулся прочь так же тихо, как и пришел.

Жадные и в то же время нежные руки обхватили Имира, заключили в объятия. Девушка отстранилась, вскинула голову — на тцара взглянуло юное красивое лицо со слегка вздернутым носом, рассыпанными по щекам и лбу веснушками. Зеленые глаза лучатся любовью, тонкие губы расплылись в радостной улыбке.

- Я так ждала тебя, Имир! - сказала она. - Мысленно подгоняла не только всю эту неделю, но и этот день, чтобы скорее закончился, и наступила ночь. Ведь с ней — придешь и ты!

- Здравствуй, Елена, - молвил Имир, чувствуя, как сердце от радости забилось быстрее. - Для меня самого эта неделя тянулась бесконечно долго. К тебе стремлюсь всем сердцем каждый день, все мои мысли с тобой, когда не отвлекаюсь на государственные и военные дела.

Взяв за руку, девушка повела в просторную освещенную светильником и лучинами горницу. Теперь тцар увидел, что возлюбленная одета в простой, но праздничный сарафан, черные волосы собраны в пучок на голове, там поблескивают медные и бронзовые заколки в виде богини любви, Лады, и крылатых коней.

- Ты голоден, мой повелитель? - спросила девушка. Она указала на стол, где миска со спелыми яблоками и орехами, ломти уже остывшего жареного мяса. Рядом расположился пузатый кувшин и два резных деревянных ковши.

Елена усадила тцара за стол, налила в ковши мед из кувшина, и придвинула к нему мясо. Тот принялся есть, словно не замечая, что кладет в рот — влюбленный и в то же время подернутый печалью взор направлен на девушку, как та суетится, достает из печи ухватом дымящийся чугунок и ставит на стол. По горнице поплыл ароматный дух наваристого борща с мясом и пряными травами.

Елена налила борщ и поставила перед Имиром дымящуюся миску с торчащей расписной ложкой. Тцар принялся есть, истосковавшись по всему, что связано с этой прекрасной и чистой душой, принимая простой крестьянский борщ от нее, словно это изысканное заморское вино, которое тцары и то пьют лишь по большим праздникам.

Вскоре отодвинул опустевшую миску, посмотрел на Елену слегка осоловевшим взглядом.

- Ну вот, - сказала девушка радостно и с удовлетворением, - мой мужчина накормлен и сыт. Вы же всегда голодные, вам нужны силы, чтобы добывать и завоевывать, защищать родных и близких.

- Елена, - сказал он, придвигаясь к ней и глядя по черным, как вороново крыло, волосам. - Сегодняшняя ночь для меня — дороже всего моего тцарства.

Чуть позже, лежа на кровати поверх медвежьей шкуры, Имир легонько прижал Елену к себе. Нагота обоих скрыта домотканым одеялом, видны лишь могучие плечи тцара и худые узкие плечики девушки. Одеяло сползло, открыв обнажив аккуратные груди Елены. На стене от коптящих на столе лучин от них протянулись тени, похожие на переплетенных меж собою дивных двухголовых зверей.

- Что тебя тревожит, мой тцар? - спросила она с улыбкой, склонившись над ним и глядя большими зелеными глазами. Волосы рассыпались по обнаженной спине и одеялу. - Ты мрачен весь вечер, в твоих глазах была печаль даже, когда меня любил. Будто в последний раз. Али не любя тебе больше?

- Елена, мне нужно отправиться в далекое странствие, - пояснил Имир мрачно. - Отыскать волшебный камень, чтобы исцелить отца и... не дать брату заполучить оружие, которое он может обратить против Куявии и всего Троецарствия.

- Я слышала про божественное явление на пиру, - молвила девушка негромко, опустив голову. - То, что происходит во дворце, быстро выходит на улицы, обрастает слухами и сплетнями. Народ бает, будто бы среди пира явился сам Таргитай-Сварог и сыграл свою волшебную

песню. Говорят, Сварог не являлся никому уже столетие. Никто уже много лет не слышал его песен, от которых видишь неземной красоты и печали картины, и переносишься в волшебные места.

- Так оно и было, - подтвердил тцар. - Он показал нам с Волотом Кладенар, и теперь время отправиться на поиски.

- А еще на базаре сказывали, что будто бы, когда Таргитай исчез, у вас началась повальная оргия прямо на пиру! Вместе с собаками и лошадьми. Ты тоже в ней принял участие? Как в той старой сказке, когда пьяные низкорослые воины во главе с сотником Ржевским ставили табуретки, чтобы совокупляться с лошадьми.

Имир рассмеялся. Нежно погладил возлюбленную по щеке.

- Вот это уже враки. Когда нужна оргия, я приезжаю к тебе. Ты заменяешь мне их всех.

- Может, ну его, этот волшебный камень? - спросила девушка с затаенной в глазах надеждой. - Пусть достанется Волоту. Твой брат всегда был более решительным и жадным до власти и могущества. Пусть его. Зато ты будешь жив и здоров, рядом со мной. Пусть даже в этой бедной лачуге.

Имир посмотрел на девушку с печальной улыбкой.

- Елена, ты же знаешь, я хочу, чтобы ты стала мне женой. И собирался сделать это вот-вот. Но я просто обязан отправиться на поиски Кладенара. Если он попадет не в те руки, а мой брат, увы, это и есть НЕ ТЕ руки, то причинит множество горя и зла. Волот давно грезит расширением Артании, мне доносят разведчики из его дворца, да и брат в последний год говорил об этом, уже не стесняясь.

Он нежно погладил девушку по волосам.

- Я хочу исцелить болезнь отца, а Волоту на него наплевать. Он жаждет власти - отхватить как минимум половину Куявии, если не всю ее присоединить к Артании. Когда-то наши тцарства были единым, при правлении моего отца Колвира, а также его отца и деда. Волот мечтает воссоединить их вновь и править жесткой рукой. Я не могу этого допустить, Елена. Это мой долг как тцара. Защитить Куявию и тебя от этой угрозы!

Если Волот получит Кладенар, то на Куявии не остановится. Он же ненасытный. Обладая такой мощью, двинет войска на Вантит и Славию. Раньше все это было голой степью, что возникла на месте древнего Леса. Тут жили легендарные невры, скакали степняки, а затем появились и наши предки. Волот зальет все эти земли кровью, будет держать людей в железном кулаке ради своих амбиций и жадности. Я не могу этого допустить.

- Неужели сможешь убить родного брата? - спросила Елена, подпирая голову локтем. Ее красивые глаза распахнулись в изумлении.

- У меня рука не поднимется, - признался Имир. - Поэтому постараюсь просто не дать заполучить Кладенар. Не хочу крови брата на руках. И сделаю все, чтобы этого избежать.

Елена опустила глаза, затем вновь посмотрела на тцара.

- Я должна тебе кое в чем признаться, Имир, - сказала она. Перехватив его внимательный и встревоженный взгляд, не выдержала и улыбнулась. - Нас скоро будет трое.

Откинув одеяло, взяла его могучую ладонь и приложила к своему обнаженному животу.

- Вот здесь, - молвила девушка, - уже бьется крохотное сердечко твоего наследника или наследницы. Когда вернешься из похода с победой, как раз настанет время.

Тцар улыбнулся, затем снял с правого бицепса железный браслет и протянул.

- Возьми, - велел он. - Если вдруг что со мной... Мальчику на руку, девочке — на пояс.

Елена охнула и побледнела. Тем не менее, через силу улыбнулась. Взяв подарок, положила под подушку.

- Я очень беспокоюсь, как будешь тут без меня, - признался тцар с тревогой. - А теперь, когда ты еще и понесла...

- Не бойся за меня, - заверила девушка с печальной улыбкой. - Помнишь, я рассказывала, как я родилась? Меня нашли в земляной ямке — я появилась от союза Матери-Земли и вольного Ветра. Они защищали меня всю жизнь до встречи с тобой. Будут оберегать и теперь. Главное ты — возвратись. Со щитом, а не на щите!

Она взяла вторую ладонь тцара и положила себе на грудь. Почувствовала, как сильные пальцы едва заметно сжали — с нежной страстью. Елена притянула его к себе, отдавшись жадным рукам, чувствуя, как ее охватывает жар, а тела сливаются воедино в горячем водовороте поцелуев и ласк.

Глава 2

Полумрак походного шатра разгоняют установленные на медных подставках светильники, где полыхает огонь. К тому же свет полуденного солнца проникает через специальные большие отверстия, которые можно закрыть в непогоду.

Волот возвышается над столом в центре шатра, рядом с ним два воеводы, Аслан и Шермет, и сын Рамзаган. Все четверо нависают над картой, где размечены земли Троецарствия, а также грубо набросаны территории, что лежат к северу, там где заканчиваются кордоны Славии.

Все четверо голые по пояс, на плечах у каждого лишь кроваво-красный плащ с эмблемой Артании — скрещенными и обведенными в золотой круг топорами. Широкоплечие, с выпирающими мускулами, как и подобает настоящим артанам. Седые волосы воевод спадают на могучие плечи. У Рамзагана волосы чернее ночи, в левом ухе блистает золотая серьга, показывая, что он в семье единственный ребенок.

- Как я и говорил, придется идти через земли Славии, - сказал низким голосом. - Иного пути нет. Я потом смотрел в видении повторно. Разве что как-то перелететь через Славию с помощью магии, но я не смогу пронести там всех вас и пятьдесят человек дружины.

- Настоящие воины обходятся без магии! - сказал Рамзаган гордо. - Это вон пускай подлые куявы пользуются, ха-ха! Чем слабее воин, тем чаще прибегает к волшебю!

Воеводы глянули на тцарского сына, смолчали. Но в глазах мелькнули искорки одобрения.

- С каких это пор куявы у нас сделались подлыми? - рыкнул Волот. - Они вообще-то наши соседи. Ими правит мой брат и твой дядя, если ты забыл.

- Да помню-помню, - отмахнулся тцаревич. - Но я читал, что в далеком прошлом, когда была последняя война между тцарствами, Артания и Куявия крепко враждовали. Легендарный Придон повел артан на войну, дабы свершить месть за великую подлость, которую сделал ему куявский тцар Тулей... Может, и сейчас стоит бросить войска на Куявию, отец? Как добудем Кладенар... Я бы лично повел армию на Куябу! Это была бы великая честь...!

Волот нетерпеливым жестом оборвал сына.

- Ту легендарную победоносную войну артан помнят все! Но это было очень давно, вскоре после этого мой прадед Талмыз объединил оба тцарства в одно. И хоть сейчас мы снова разделены, но там правит мой брат Имир, и Куявия — наш союзник и друг. Мы торгуем, а это хорошо для нас в первую очередь. Артания богатеет.

- А представь, что мы завоевали бы Куявию, и Артания вновь стала бы той, что была при великом Талмызе! Огромная и несокрушимая! Отец, там же полно рудников с золотом, медью, железом! Да и Славия с Вантитом нас бы заужавали. В последнее время ведут себя...г-м...пренебрежительно.

- Есть такое, сын, - согласился Волот. - Но мы вернем их расположение, когда найдем Кладенар. Они склонятся перед нашей мощью, и не нужно будет проливать ничью кровь. - Он помолчал и добавил: - По крайней мере, до тех пор, пока они меня не взбесят. Но не ранее, чем Кладенар будет у меня. А пока — хватит об этом. Иди лучше обойди лагерь, проверь часовых, отправь разведчиков осмотреть окрестности.

Тцаревич дернулся, как пощечины — ему вновь дают поручение простого десятника.

- Мой тцар, - сказал Аслан осторожно, - разведчиков я выслал сразу, как мы разбили твой шатер.

- Уже вскоре должны воротиться, - добавил Шермет негромко.

- А ты уверен, что Имир не станет тоже искать камень? - спросил тцаревич, глядя на отца горящими глазами. - Мне кажется, он на все готов, лишь бы помешать нашей Артании вновь стать великой!

- Брат не станет вставлять мне палки в колеса, - сказал Волот с уверенностью. - Я дал ясно понять, что этого не потерплю. Я старше, он меня послушает. Иначе пожалеет, что влез поперек дороги!

- Если Имир все же решится, - не унимался Рамзаган, - мы должны показать ему, что главные здесь — мы! - Он перехватил суровый взгляд Волота, поспешно добавил: - То есть, ты, отец! Он должен знать, что нельзя идти наперекор правителю Артании и любое несогласие будет наказано!

Волот потемнел, чувствуя, как к лицу приливает кровь. Он воспитал сына достойным и могучим воином, но в последнее время Рамзаган стал слишком много себе позволять при подданных, словно это он сам сидит на троне Артании.

- Остынь, тцаревич, - посоветовал Волот сквозь зубы. - Все будет так, как надо.

Воеводы сделали вид, что сосредоточенно изучают карту. Сереброк посмотрел на тцаревича, потом на Волота. В глазах старого волхва мелькнуло неодобрение.

- Рамзаган, - повторил Волот с нажимом, - ступай проверь часовых.

Однако взгляд ясно говорит, что он просто велит сыну проваливать.

Тцаревич стиснул зубы, чувствуя, как кулаки тоже сжимаются. Отец не имеет права поступать так при подданных — мало того, что заткнул ему рот, так еще и отправил на пустяковое, не стоящее его внимания поручение!

Делать нечего, он уже повернулся, чтобы идти. Лицо сделалось пунцовым, и он мысленно дал клятву как можно скорее доказать отцу, что ему можно доверить настоящие дела, достойные сына правителя!

В тот же миг в шатер порвался полуголый мускулистый воин, торопливо поклонился, глядя на Волота. Тцар вопросительно вскинул брови.

- В чем дело?

- Мой тцар, - пропыхтел запыхавшийся воин. - Мы только что из разведки. Неподалеку замечено войско куявов!

Волот изменился в лице, стиснул челюсти. Было видно, как под кожей заиграли желваки.

- Сколько их? - прорычал он. - Кто ведет?

- Малая дружина в пять десятков, мой повелитель! - доложил разведчик. - Все в тяжелых железных доспехах! Возглавляет... - он помедлил, пустив взор, затем вскинул голову, сказал быстро: - Их ведет сам куявский тцар Имир!

Все увидели, как Волот побагровел до кончиков ушей.

Он бросил взгляд на висящий на поставке свой боевой шлем из бронзы с закрывающей лицо маской. Все знали этот шлем тцара, который постоянно лично водит артанские дружины в бой и добивается победы, сокрушая недругов. Машинально приблизился, коснулся шлема пальцами, но в черепе, словно растревоженный пчелы, гудят и роятся гневные мысли.

- Идите прочь! - рявкнул он. - Мне нужно подумать. Передам решение через тцаревича!

Он отвернулся, давая понять, что аудиенция окончена. Воеводы, волхв с гонцом и тцаревич спешно вышли из шатра, опустив за собой полог. С той стороны перед шатром двое стражей играют в кости, с азартом трясая кружку и выбрасывая костяшки на землю. При виде выходящих воевод и тцаревича резко прервали игру и вытянулись по струнке, раздвинув плечи.

Аслан с Шерметом прошли мимо, не говоря ни слова. Сереброк направился в свой шатер, явно озабоченный новостями, перебирая волховские обереги.

Рамзаган огляделся — в лагере кипит жизнь — воины расседлывают коней, разводят костры, таская сушняк из зеленеющей рядом рощи. Некоторые уже возвращаются с оленями на плечах или в одиночку тащат упитанных кабанов, разделявают, насаживают мясо на прутья,

начинают жарить, сглатывая голодную слюну. В небе сияет ослепительно яркое солнце, заливая мир живительным светом. От костров доносится веселый смех, конское ржание, тянет вкусным запахом жареного, чуть подгоревшего мяса.

Он вдруг ощутил резкий, нестерпимый голод — но не по еде, не по истекающему соком умопомрачительно вкусному мясу. Его трясет от желания ринуться в бой, повести дружину и доказать отцу! Принести ему победу на блюде. А то и голову дяди Имира, которого Рамзаган недолюбливал с детства.

Сунув руку в карман, нащупал маленький глиняный пузырек. Тяжелый от раствора священного мухомора, который стащил у Сереброка после того, как они оба вошли в транс и разговаривали с богами. Решительным шагом Рамзаган направился назад в шатер.

Шагнув внутрь, увидел, что светильники погашены, лучины тоже. Сквозь стены шатра пробиваются лишь толстые солнечные лучи, высвечивая танцующие в воздухе пылинки.

- Отец, - сказал Рамзаган решительно. - Ты всю жизнь делал из меня воина, готовил в великие герои! Так позволь повести дружину на подлых куявов! Имир нарушил вашу договоренность, и тоже ищет Кладенар! Это же удар в спину Артании!

- Остынь, Рамзаган, - буркнул Волот нехотя в ответ. Он восседает за столом, где все еще разложена карта с маршрутом следования и поиска волшебного Камня. - Ты не понимаешь! Он все же — мой родной брат! Моя кровь... Нас и называли-то, разделив пополам одно имя древнего героя — Волотимир! Волот Имир!

- Что же ты намерен делать? - спросил Рамзаган приглушенно.

- Вечером отправлюсь к нему, переговорю. Возможно, станем искать Кладенар вместе. А все разногласия разрешим потом, как найдем магический Камень. Пока не знаю. Мне надо подумать. - Он сделал жест. - Поддай-ка вина.

Тцаревич кивнул. Подойдя к столику, где миска с фруктами и кувшин с вином, налил темно-красного, как кровь, вина в чашу. Затем, достав из кармана бутылку, быстро и незаметно вылил содержимое в вино. Он пересек шатер и протянул полную чашу тцару.

- Вот, возьми отец. Утоли жажду.

Рамзаган молча смотрел, как тцар осушил кубок до дна и со злостью швырнул в дальний конец шатра. Волот молчал несколько мгновений, затем изменился в лице, словно ощутил нечто необычное. Поднялся из-за стола, но его качнуло. Тцар с трудом удержался на ногах.

Он поднял на сына изумленный взгляд.

- Что...что со мной? - пробормотал Волот, стремительно бледнея. Он принялся говорить, что-то еще, но язык стал заплетаться, изо рта вырвались лишь нечленораздельные, странно звучащие слова, а потом превратились в отдельные звуки.

Глаза Волота закрылись, он рухнул, но сын подхватил, не дал упасть. Дотащив отца до разбросанных на полу медвежьих шкур, аккуратно уложил и укрыл, создав видимость, что тцара просто свалила многодневная усталость.

Затем подошел к подставке, руки медленно сняли отцовский шлем с маской. Надел панцирь из плотной кожи. Надев шлем отца, Рамзаган гордо вскинул голову.

- Во славу Артании! - проговорил он вслух, ощущая в голосе силу и власть. - Отец, ты еще будешь мной гордиться! Клянусь бессмертными богами!

С этими словами взял отцовский топор, откинул полог и вышел из шатра. Вскинул руку с оружием, и украшенный магический резьбой топор заблистал в полуденном солнце. Мышцы на руке рельефно вздулись.

- Артане! - воззвал Рамзаган к дружине. - Пришло время наказать подлых куявов! Мы ударим немедленно, застанем врасплох и сметем врагов! Тцар Имир еще заплатит за то, что пошел против моего слова! Слава великой Артании! - Он вновь торжественно и зло вскинул руку в топоре вверх. - Слава Артании!

Этот топор и этот шлем знал каждый артанин. И теперь Рамзаган, чувствовал, как в груди поднимается волна радости, что его жесту вторит пять десятков отборных артан.

Волот отобрал для этого похода лучших воинов. И пусть Артания уже давно не вела масштабных войн, а имела лишь мелкие стычки меж князьями внутри, каждый артанин давно жаждет вновь ринуться в настоящий бой, с настоящим врагом. Если он выиграет эту битву, добудет отцу победу, то его поставят уже выше, и повиноваться ему станет вся артанская армия!

- Вперед, артане! - взревел Рамзаган в скрывающем лицо шлеме-маске. - Седлайте коней! Обрушим всю артанскую мощь на куявов, как в древности легендарный Придон!!

Ответом были мощные заздравные крики, лязг оружия и конское ржание. Воины, бросив костры и жарящееся мясо, прыгали в седла и с гиканьем прищпоривали скакунов. Тцаревич смотрел на это, и сердце его преисполнилось гордости и величия. Сердце застучало гулко и часто.

Жестом велел подвести коня и себе. Прыгнув в седло, прищпорил животное, и мир полный запахов леса, трав и обещаний легкой победы над самим тцаром Куявии рванулся навстречу. Мелькнула мысль, что, возможно, отец даже отдаст трон в Куябе ему — ежели принесет голову Имира. Да будет так, думал Рамзаган под стук копыт, скача вместе с воинами по лесной дороге, скрывающей их войско от глаз врага. Да будет так!

- Они нападут с той стороны? - спросил Имир стоящего рядом сотника, указывая на расположенный к западу лес. День пролетел удивительно быстро, в небе уже гаснет кровавый закат, разлившись от одного края до другого.

- Так точно, мой тцар, - отвечал Брагор. - Мы с воинами аккуратно проследили. Лагерь разбит там. Их дружина вскоре будет здесь, мы едва успели их опередить, чтобы вернуться. Их ведет сам тцар Волот!

- Что ж, - заметил Имир мрачно, - видимо, битвы не избежать. Да будет так.

Он повернулся к Брагору и четверем десятникам, сделал повелительный жест.

- Отведите воинов от лагеря — вон в ту рошу.

Ветерок треплет светлые волосы тцара, его кираса блестит на солнце, плечи и спину закрывает синий плащ. На боку покачивается меч в отделанных крупными самоцветами ножнах. Облицованный золотом шлем висит на седельном крюке. Он смотрит, как дружина оставляет пустой лагерь с разбитыми шатрами и посаженными чучелами из соломы, на которых напялили железные доспехи, разводят костры, а сами отходят в засаду. Тронув бока коня шпорами, тцар медленно поехал следом.

Ждать темноты долго не пришлось. Костры в лагере-обманке пылают ярко, пламя колышет ветер. В сумраке не отличить набитые соломой доспехи от живых воинов. Едва последняя полоска заката погасла в небе, как из леса хлынули едва различимые в темноте фигуры. Раздался топот копыт, во тьме фигуры казались мчащимися к лагерю стадом кентавров.

Первый ряд ворвался в лагерь, послышалось конское ржание, звон топоров о доспехи, яростные выкрики. Они тут же сменились изумленными возгласами, громкими проклятиями.

- Чучела! Куявы ненастоящие!

- Братья, это ловушка!!

Имир повернулся к лучникам, кивнул. Подбежавший воин быстро запалил наконечники стрел. Тем временем артанское войско въехало в фальшивый лагерь целиком. Кто-то заметил огни среди деревьев, закричали, принялись указывать туда пальцами. Конь под тцаром норовил двинуться в сторону, пощипать сочной травы, но Имир без труда удерживает одними коленями.

- Пли! - скомандовал он, и в воздух взвился десяток огненных стрел. Тут же, выстрелили еще несколько лучников, и объятые пламенем стрелы сперва поднялись в ночное небо, а затем обрушились на артан. До куявов донеслись отчаянные крики раненных и обожженных, гневные вопли. Несколько стрел вонзились в траву, и земля тут же вспыхнула, вверх взметнулось яркое пламя.

- Горючая смесь действует отлично, мой тцар, - проговорил Брагор. - Здорово, что ты приказал полить землю.

Имир не ответил. Молча смотрел, как очередная порция огненных стрел распорол воздух и понеслась на мечущихся в панике артан, освещая на подлете их яростные безбородые лица. И вновь крики раненных, снова загорелась земля, охватывая мечущихся на испуганных конях всадников. Охваченные огнем фигуры полыхают ярче факелов, мечутся из стороны в сторону с истошными криками.

Наконец, артане рванулись прочь из охваченного огнем пустого лагеря-ловушки и понеслись туда, откуда летели стрелы. Впереди могучий воин на коне, лицо скрывает шлем-маска. Имир прищурил глаза, челюсти яростно сжались, от лица отхлынула кровь.

- Неужто сам тцар Волот? - изумленно охнул стоящий рядом Брагор.

- Он самый, - кивнул Имир. - Он часто первый кидается в бой. Но чтобы сейчас... вот так... на родного брата...

Имир кивнул Брагору. Сотник развернул коня. По его свисту куявская дружина ринулась из подлеска навстречу скачущим с факелами артанам. В руках куявов тоже полыхают факелы, бросая отсветы на обнаженные клинки.

С небольшого лесного холма Имир наблюдал, как обе дружины сшиблись в яростной схватке. Донесся лязг сталкивающихся топоров, мечей, треск щитов, яростные крики. Иногда в темноте вспыхивают искры от налетающих друг на друга топоров и мечей. Конники вертятся, как ужаленные, держа на месте коней, уворачиваясь и парируя удары врага, и рубя со всего размаха. Раненные с криками падают из седел, и тут же их начинают топтать кони.

Имир неодобрительно покачал головой — Волот рубит его воинов, как сорную траву. Вокруг него ряды куявских дружинников быстро редеют. Он ловко наносит мощные удары, подставляет щит под мечи, затем снова рубит топором, рассекая шлемы и доспехи, весь уже забрызганный чужой кровью. Увидев это, оставшиеся в живых артане радостно и победно заорали. Набросились на куявов с удвоенными силами.

Имир погнал коня вперед, держа взглядом в прорези шлема старшего брата. Волот все ближе, вновь закрылся щитом, разможил голову одному куявянину, затем сшиб ударом с коня другого.

- Волот!! - закричал подъехавший Имир. - Со мной сразись, брат! Хватит губить воинов!

Всадник в шлеме-маске обернулся, издав полный радости и торжества крик. Оставив еще одного куявского воина лежать с разрубленной головой, пришпорил коня и погнал навстречу. Позади полыхает охваченная огнем поляна вместе с шатрами и чучелами ложного воинского лагеря.

Имир и всадник в шлеме-маске сшиблись в лютой схватке, осыпая друг друга ударами. Оба умело закрываются щитами, так что стоит громкий глухой звон. Артане и куявы невольно остановились, переводя дух и, затаив дыхание, наблюдая за двоебоем. Факелы в их руках потрескивают и чадят, а некоторые лежат на земле рядом с поверженными воинами, давая достаточно света, чтобы видеть бой.

Тот, кого Имир принял за Волота, ловко вертится на коне, обрушивая могучий топор, а иногда и добавляя удары ребром щита. Имир принимает удары на щит, тот уже весь в глубоких вмятинах, или уворачивается, рубя в ответ мечом или норовя пронзить врага. Наконец, оба отбросили помятые щиты, меч и топор замелькали в ночном воздухе подобно молниям. Из-за облаков вышла луна, заливая поляну призрачным бледно-желтым светом.

Меч Имира превратился в смазанную полоску стали, что стремительно мелькает перед ним. Противник работает топором столь же быстро. Артанин сделал обманный выпад, меч Имира рассек воздух, и тут же тцар едва успел вскинуть его, чтобы заблокировать сильнейший удар сверху.

Дыхание вырывается с хрипами, грудь тяжело вздымается вверх-вниз. Имир заметил, что супостат тоже порядком утомлен боем, но сдаваться не собирается.

Увернувшись от топора снова, куявский тцар ринулся вперед, выставив перед собой меч и пришпорив коня. Противник не успел среагировать столь же быстро. Имир успел заметить, как глаза в прорези шлема в ужасе расширились. На мгновение показалось, что это глаза не брата, но очень похожи. В тот же миг кончик меча ударил артанина в горло чуть ниже кадыка, войдя как раскаленный нож в масло. Из раны хлынула кровь, заливая панцирь.

Имир качнулся в седле, потрясенный содеянным. О, боги!! мелькнуло в голове. Неужто я убил брата...?!!

Говор и шепот воинов моментально стихли. Все словно проглотили языки.

Волот закашлялся. Топор выскользнул из разжавшихся пальцев. Чувствуя ледяный душу ужас, Имир соскочил с коня, бросился к брату и успел подхватить, не дав рухнуть из седла на землю. Тело оказалось легче, чем ожидал куявский тцар, и чем, когда они в детстве по-дружески боролись раньше.

Имир аккуратно положил смертельно истекающего кровью брата на траву.

- Что же ты, Волот?! - проговорил он в отчаянии Имир. - Зачем?? Мы же могли решить это как братья!!... за столом и кувшином вина...

Сорвал с мокрой от пота головы шлем, отшвырнул. Чувствуя, как в груди перехватывает дыхание, медленно и аккуратно снял шлем-маску с умирающего брата.

Имир вздрогнул, дернувшись, как от сильной пощечины. Кровь отлила от лица. Стоящие вокруг воины увидели, как его щеки и скулы страшно побледнели, в лунном свете казалось, что кожа на лице сделалась серой. На него смотрело лицо родного и единственного племянника.

- Не может быть... - прохрипел Имир, не веря глазам. - Как же так...?? Рамзаган!!

- Рамзаган!! - изумленные крики понеслись по рядам артанских воинов, подобно лавине в горах, нарастая, и делаясь все громче, сотрясая тишину ночного леса вокруг.

- Тцаревич Рамзаган!!

- О боги!!

С одной стороны на лицах читалось облегчение, что их тцар жив. Но воины тут же бледнели в ужасе, ибо начинали осознавать, что погиб тцаревич, которого Волот любил безмерно, а иногда, казалось, что даже больше, чем артанский трон. Он не раз с гордостью и блеском в глазах говорил о сыне, которого учил быть великим воином, возлагал большие надежды.

- Он... взял тцарский шлем... - хмуро проговорил подошедший высокий широкоплечий десятник артанов. - Взял тцарского скакуна. Даже двигался в бою, как тцар Волот. Никто из нас и подумать не мог...

Рамзаган дергался в конвульсиях, с трудом пытаясь вдохнуть. Кожаный панцирь, украшенный золотыми конскими фигурами, залит кровью, грудь тяжело вздымается и опускается, по телу пробегают судороги. Из раны в горле с шипением выходит воздух, дыхание вырывается с хрипами. На лице отражается нечеловеческая мука и боль. Глаза широко распахнуты в ужасе.

В отчаянии Имир опустился на одно колено и вскинул меч обеими руками. Резко, с силой опустил. Острие с глухим стуком пробило кожаный панцирь и ребра, проникнув вглубь до самого сердца. Тело освобожденно замерло. Имир медленно провел пальцами по остывающему лицу, опуская на глаза неподвижные веки.

Повисшую тишину разорвал приближающийся грохот копыт. Имир ощутил, как сотрясается земля. Из леса выметнулся конный отряд артанов во главе с могучим воином. Имир узнал Волота. Поднялся, распрямив спину и плечи. Могучая грудь в панцире выдвинулась вперед. Острый волевой подбородок с широкой нижней челюстью тоже выдвинут. Имир не сводит глаз с брата, челюсти сжались, равно как и сердце в груди — от того, что, сам того не ведая, убил единственного племянника. И потом из милосердия прекратил его предсмертные муки. С острия меча в руке на землю стекают темно-красные капли. Имиру казалось, что вонзил клинок в сердце себе же. Его охватила нещадный стыд и отчаяние.

Воины торопливо расступились перед несущимся на конях отрядом из десятка воинов, возглавляемых Волотом. Артане мрачно взирают на приехавшего тцара. Во взглядах читается — ты опоздал, владыка, — случилось непоправимое!

Волот заметил распростертого на земле сына со страшной раной в горле и залитой кровью грудью. Лик артанского тцара окаменел, по щекам разлилась бледность. Покачнувшись в седле, медленно слез с коня. Рядом с ним проворно спешил Сереброк. Ветер колышет седую бороду старика, взгляд обращен на мертвого тцаревича.

- Рамзаган, - молвил Волот придушенным голосом. Он смотрел на сына, его руки начали мелко дрожать. - Как же так??...

Он вскинул голову, бешеный взгляд расширившихся глаз уперся в Имира.

- Это ты...Его убил ты...!

- Волот, - сказал Имир примирительно. - Я виноват. Но я был уверен, что сражаюсь с тобой! Посмотри — он надел твой шлем с маской! Взял твоего коня! Что еще я должен был подумать?!

Куявские и оставшиеся в живых артанские воины замерли вокруг. Бросают друг на друга злые взгляды, руки бросили на рукояти топоров и мечей, словно ожидая сигнала к атаке — после такого-то!

Артанский тцар нехотя опустил голову, увидел лежащий рядом с телом шлем. Нагнулся и поднял, бесцельно повертел в руках. Затем вновь посмотрел на брата.

- Ты прав... - сказал он с трудом, словно эти слова были противны всему его естеству. - Рамзаган повел дружину в бой без моего ведома. Но теперь он мертв из-за тебя, Имир... Ты убил моего единственного сына и наследника трона. Ты разбил мне сердце.

- Мне правда жаль, - сказал Имир, делая шаг вперед. - Дозволь моим воинам помочь срубить деревья на краду. Проводим Рамзгана в вирий вместе — ты и я!

Волот молча опустился, взял на руки мертвого сына. Кивнул Сереброку. По жесту волхва подъехали два крепких артанских воина с наскоро сколоченными носилками из положенных друг на друга плащей и двух копий. Тцар аккуратно положил тело на носилки, и воины в окружении других, с факелами, поскакали прочь.

Имир глянул на брата вопросительно. Волот одним махом вскочил в седло, бросил, не оборачиваясь:

- Держись подальше, Имир. Отныне ты мне не брат. Ежели продолжишь искать Кладенар, и наши пути снова пересекутся — пеняй на себя! Будь ты проклят!

Он пришпорил коня и помчался прочь. Вслед за ним в темноту ускакал волхв и остатки артанской дружины. Некоторые скакали рядом с ранеными товарищами, поддерживая под руки в седлах.

Имир несколько мгновений стоял молча. Затем велел потушить костры и остатки догорающей травы в лагере-ловушке. Войско двинулось прочь. Коней вели под уздцы, чтобы не поломали ноги, если угодят в темноте в кротовые норы или ямы.

Когда место сражения осталось далеко позади, и луна вновь вышла из-за туч, Имир велел разбить лагерь. Вскоре воины спали, подстелив на землю попоны. Укрылись плащами, подложив под головы седла, с обнаженными мечами рядом. Часовые бдели у ярко пылающих костров. Не спал и тцар, молча глядя в пляшущий огонь, где то и дело среди языков пламени мерещилось лицо Рамзгана.

Затуманенным взглядом тцар Волот смотрел, как воины рубят на опушке деревья, обтесывают ветви и тащат на поляну, возводя краду. Тело сына лежит рядом, Волот бросает на него скорбные взгляды. Тцара захватила печаль, давит на грудь, не давая вдохнуть как следует. Сердце едва заметно, но громко ухает где-то под ребрами. Перед мысленным взглядом мелькают воспоминания — как растил Рамзагана, с детства учил владеть топором, метко бросать в цель. Как надеялся вырастить помощника и опору после того, как его жена, Марена, умерла при родах.

И вот теперь Рамзаган лежит на земле, неподвижный, холоднее льда в подземном царстве Ящера.

Когда на востоке начал брезжить рассвет, крада была готова. Могучие воины подняли безжизненное тело тцаревича и бережно положили на вершину сооружения из бревен и толстых веток. Затем полили маслом. Волот тяжело поднялся по лестнице, положив на веки сына две золотые монеты с изображением топора и вставшего на дыбы медведя. Несколько мгновений смотрел на бледное лицо Рамзагана, освещаемое повисшей в небе полной луной. Затем сорвал с его шеи ожерелье с золотыми фигурами оленей и коней, стиснул в кулаке и медленно спустился на землю.

- Хака... - велел тцар воинам, не оборачиваясь. Затем, повысив голос, крикнул в ярости:
- ХАКА!!!

Он вскинул голову, изо рта вырвался громкий крик, похожий на рев разъяренного зверя. Волот вскинул руки, принялся ритмично и медленно ударять себя по груди и бедрам, то приседая, то делая шаг вправо и влево.

Тцар поддался древнему священному танцу артан, позволяя духам предков войти в его тело, чтобы чествовать древнюю, почти забытую богиню по имени Арса, в честь которую называли стольный град. Так же вспоминали древнего бога Гарана. Краем глаза видел, как позади то же самое проделывают верные артанские воины, отдавая последнюю честь павшему в бою тцаревичу.

- Ха! Карэ! Уно! Арса! - все они кричали хором. - Ха! Карэ! Уно! Арса!

- Ха! Карэ! Уно! Гаран!

- Ха! Карэ! Уно! Гаран!

Выкрики сопровождался топотом ног о землю, артане лупили себя в грудь и по бедрам одиночными ударами, выкрикивая на выдохе. То приседали, то поворачивались, снова выкрикивали. Все они как будто слились в единое целое, проводя древний священный танец, которого удостоиваются лишь великие герои.

- Ха! Карэ! Уно! Арса! Арса! - Пауза. - Арса! Арса! АРСА!! ГАРАН!!!

Наконец, Волот, тяжело дыша остановился, чувствуя, как по спине и лицу сползают горячие капли. Вновь вскинул длань, и воины, повинуясь, перестали двигаться. Доносится тяжелое дыхание, запах свежего пота, повеяло теплом разгоряченных в танце тел.

Тцар, не глядя, протянул руку, и сотник Аслан вложил в ладонь пылающий факел. Шагнул вперед, Волот поднес факел к деревянному сооружению, по которому сверху стекает масло, и оно вспыхнуло. Огонь быстро побежал вверх. Занялись толстые ветви, одежда на тцаревиче. Огонь охватил краду целиком, поглотив лежащее наверху тело.

Волот вскинул длань, веля воинам отойти, словно их присутствие рядом с уходящим в вирий сыном его раздражало. Какое-то время артане стояли позади тцара, наблюдая, как полыхает пламя, и столб черного дыма поднимается к небу, временами закрывая яркий диск луны.

Волоту казалось, что его тело одеревенело и превратилось в столп. Он перестал замечать ход времени, глядя как деревянная крада местами прогорела и развалилась, рассыпая ярко-красные угли. Но тело сына все еще наверху, догорает. Ему казалось, что узрел едва заметный человеческий силуэт — он медленно поднимается вверх, вместе с дымом, к сереющему рас-светному небу. На миг задремал, а когда вздрогнул и очнулся, увидел, что перед ним лишь обугленное деревянное сооружение из прогоревших бревен. Пламя погасло, и ветер разносит по траве пепел, раскатывает вишневого цвета угли.

Крепко стиснув золотое ожерелье сына в кулаке, медленно обернулся. Почти вся дружина уже спит прямо на земле, рядом щиплют траву кони. Лишь несколько артан сидят на земле у костра. Среди них — верный сотник Аслан. Судя по бледному лицу, он не спал совсем, ожидая, пока тцар завершит траурный ритуал. Поднявшись, подошел к Волоту. Тот глянул на сотника в упор хмурым взглядом, в котором начал полыхать огонь ярости.

- Шли гонца в Арсу, - велел он. - Передай регенту Пуртану - пусть двигает войска на Куявию. Не щадить никого — ни старого, ни малого. Женщин — в рабство. Мужчин, что сложат оружие, тоже. Отныне Куявия - это артанская земля. Мы забираем ее себе. Каждый куяв — виновен в смерти моего сына. И каждый за это заплатит!

Аслан коротко поклонился и отошел. Вернулся к костру, быстро передал слова тцара. Один из воинов торопливо поднялся, вскочил на коня и поскакал прочь — по тропинке, ведущей в лес.

Волот направился в поставленный для него шатер. Ввалился внутрь и рухнул на расстеленные медвежьи шкуры. Усталость мгновенно дала о себе знать, тело налилось свинцом. Но в голове все еще яро билась единственная мысль.

- Будь ты проклят, Имир... - прошептал он, проваливаясь в сон. - Ты заплатишь сторицей! Каждый куяв пожалеет, что родился на свет...

Глава 3

Встречный ветер треплет кудри Таргитая, норовит выдрать веки, забирается ледяными лапами под волчовку. Бога несет вперед огненно-красный конь, копыта ударяют по воздуху, далеко внизу мелькает земля. С такой высоты похожа на разложенное внизу лоскутное одеяло, какое шила мать Росланиха в Деревне в Лесу, когда был маленький. Укрывались им и звериными шкурами, оставляли тлеть угли от очага — все, лишь бы согреться долгими зимними ночами в землянке.

Золотом отливают поля со спелой пшеницей, темнеют прямоугольники свежевспаханной земли, зеленеет стелющийся в разные стороны ковер леса, все это сшито синими лентами рек, будто толстыми нитками.

Изо лба скакуна торчит изящный длинный рог, источает едва заметное золотистое сияние. Таргитай скачет высоко, едва не задевая головой громадные облака, похожие на сказочных зверей, на плывущие по небу корабли с раздутыми парусами. Навстречу иногда попадаются стаи дурных уток. Завидев несущегося навстречу человека на огненном коне, с громким паническим криканием бросаются в стороны, а затем вновь смыкаются в клин у Тарха за спиной и летят дальше.

Далеко впереди темнеет горная цепь, стремительно приближаясь и вырастая в размерах. Он похлопал волшебного скакуна, побуждая ехать быстрее. Внезапно Таргитай качнулся, мир вокруг поплыл, перед глазами все начало расплываться. Он вцепился в огненно-красную гриву коня так, что пальцы побелели. Перед глазами, словно сквозь легкий туман, узрел капище, могучих седобородых волхвов и собравшийся вокруг народ.

Жарко пылает костер перед деревянными истуканами. Вот Таргитай заметил и свой идол — люди поклоняются ему как Сварогу, защитнику землепашцев. На специальном камне с выемками для стока крови девица лет шестнадцати положила голову. Ее лицо неопишущей красоты, тонкие губы, серые глаза, темные волосы распущены, свисают с камня.

- Во имя покровителя нашего — Сварога! - воскликнул один из волхвов. Толпа вторила громкими криками поддержки. - Да ниспошлет Сварог избавление от проклятой болезни нашим женам и дочерям! Да дарует здоровое и крепкое потомство! Пусть сделает наш род сильным и могучим, чтобы могли противостоять коварным соседям и ходить на них войной ради нашего процветания!!

Толпа вновь согласно взревела — Таргитай видел там лица не только мужчин, стариков, но и молодых женщин, детей. Некоторые бабы с раскрасневшимися щеками держат на руках грудничков, те ерзают, тычут пальцами, глядят с любопытством.

- Мы приносим Сварогу жертву и просим быть к нам милостивым! - добавил волхв громко.

По его кивку, волхв помладше оттянул голову девушки за волосы, обнажив нежно-белую шею. В следующий миг полоснул по горлу жертвенным ножом, на камень хлынула кровь, побежала по стокам вниз. Двое волхвов взяли тело несчастной, из которой стремительно вытекает жизнь, и подтащили к изваянию Сварога. Темно-красная кровь полилась на основание идола.

- Пей, отец наш, Сварог! - закричал главный волхв, вскинув руки и обратив изрезанный морщинами лик к небесам. - Пей вдоволь, насыщайся!

Таргитай ощутил волну острой печали и отвращения. Сколько ни говорил с другими богами — все наслаждаются, когда приносят жертвы, только этим и живут. В такие моменты в самом деле ощущают во рту привкус человеческой крови, прилив сил, усиленную жажду жизни и наслаждений! Один лишь Таргитай в такие моменты печалится, что красивых девок и парней убивают напрасно — ему от этих смертей горько и тоскливо, а на душу сваливается тяжелый камень вины — он же теперь бог, ему приносят жертвы.

Он, как белая ворона среди остальных жителей вирия, и всегда был таким. За то его и выгнали из Леса, вместе с Олегом. Из вирия не гонят, он прочно занял там свое место. Однако иногда чувствует косые и недоумевающие взгляды других богов за то, что он другой. За то, что любит людей, а не людские жертвы. Печалится за пролитую на жертвенные камни кровь или когда в его честь, топят, закапывают живьем или сжигают красивых девок. Пару раз даже пробовал являться волхвам в такие моменты, велел отпускать тех, кого приготовили в жертву. Но после его ухода, эти дурни резали не одного, а двоих, а то и троих. Дабы ж задобрить! А то и отпраздновать, что снизошел да явился сам Сварог!!

Видение улетучилось, как утренний туман под лучами солнца. Таргитай вновь на спине волшебного коня, повезло, что не сверзился с такой высоты, а горы впереди уже закрывают полмира, превратившись в громадную темную стену с гигантскими зубцами вершин. Привычно поправил за спиной громадный Меч, с которым не расстается. Оружие более не надобно, но Таргитай все равно носит в память о совместных похождениях с Олегом и Мраком и в память о былых временах, когда был человеком и свободно да беззаботно бродил по земле среди людей, любил девок и играл на дуде, боролся за Добро и Справедливость.

Невольно вспомнилось, как однажды с Мраком и Олегом зашла в корчму толпа странников — дудошник, бабник, лодырь, певец и бог. Но злой хозяин корчмы заорал на весь зал: «Таргитай! Опять ты?! А ну, пошел нахер отсюда!».

Олег и ухом не повел, зато Мрак, обидевшись за друга, чуть не раскатал ту корчму по камешку. Хозяин потом их кормил бесплатно лучшим, что было, и все приносил лично, одной рукой — вторая была сломана и подвязана на груди тряпкой — и подобострастно улыбался ртом, в котором после той драки не хватало половины зубов.

Из каменной стены прямо впереди вычленилась одна громадная гора, приблизилась. Под копыта огненного коня со стуком метнулась каменная площадка, где в конце темнеет уходящий в глубину склона тоннель.

Таргитай проворно спешил, потрепал скакуна по огненно-красной гриве. Тот ответил ободряющим ржанием, мотнул головой с торчащим рогом, украшенным по всей длине золотой спиралью.

- Жди здесь, Огнегрив, - сказал Таргитай мягко. Он решительно зашагал ко входу в пещеру. Меч покачивается за спиной в такт шагам, иногда стучая невра по затылку, заставляя кривиться да морщиться.

Он огляделся, вспомнился день, когда много десятков лет назад вот так же прилетал сюда на Сивке-Бурке, чтобы уговорить бога воинских дружин отложить начало великого кровопролития. Тогда Тарх победил его в схватке, а потом голубка свила в шлеме Перуна гнездо, и войны не случилось. Теперь же, услышав проклятие Волота и услышав приказ, отданный гонцу, Таргитай понял, что опять надо скакать к Перуну. И если не убедить, то как-то заставить вновь отложить войну, где прольются моря крови. Вновь применить силу, если потребуется.

Пройдя по темному коридору вглубь склона горы, Таргитай ступил в просторную пещеру с высоким потолком. Вокруг светло от стоящих повсюду светильников на подставках. В железных чашах колыхается пламя, дает свет и пылающий в центре очаг.

За столом восседает могучая широкоплечая фигура. Полуголая спина покрыта рельефными мускулами, с лысой головы свисает чуб. Он обернулся на звук шагов. Таргитай узнал своего давнего недруга — Перуна.

- А, - проговорил Перун низким голосом, - это ты, Сварог.

- Мне привычнее, когда зовут Таргитаем, - отозвался дудошник.

- Мало ли, что тебе привычно, - фыркнул Перун. - Таргитаем ты был, когда ходил по земле. Боги в вирии нарекли тебя Сварогом. Теперь это имя к тебе и прилипло, как лист к заднице после бани. - Он сделал небрежный жест, словно отмахиваясь от назойливой мухи. -

Так что тебя привело? - Он указал на противоположный край стола. - Присаживайся, в ногах правды нет.

Он дернул бровью, и на столе из ниоткуда возникла миска яблок и глубокая миска, от которой потянуло умопомрачительным запахом жареного мяса. Таргитай разглядел горку ломтей, покрытых коричневой корочкой. Рядом возник кувшин вина и два золотых кубка.

Таргитай кивнул в благодарность и уселся на лавку. Мелькнула мысль, что драться в этот раз не придется, и от этого на душе стало тепло, легко.

- Так зачем явился? - повторил вопрос Перун. - Мы теперь — оба боги, делить нам нечего. Кроме вот этих яств да отменного вина.

Некоторое время Таргитай насыщался — как ни поест, все равно вечно как с голодного края, всегда уплетает с удовольствием, так, что за ушами трещит. Опустошив миску, где не осталось мяса, и закусив напоследок пятью спелыми яблоками величиной с детскую голову, отодвинул посуду. Взглянул на Перуна, который разлил вино по чашам, одну придвинул гостю.

- Благодарствую за перекус, - сказал дударь вежливо. Он сунул руку под волчовку и с наслаждением почесал грудь крепкими ногтями. - Заморил червячка.

- Ну ты и жрун, - рассмеялся Перун. - Червячка... Чего тебе надобно? - в третий раз спросил он и сам отхлебнул вина.

- Пришел потому, что плохие новости, - сообщил Таргитай невесело. - Наверное, ты уже слышал — грядет война между Артанией и Куявией. Война, в сравнении с которой все предыдущие покажутся детской забавой. Все войны испокон веков начинаются по твоей воле, Перун. Вот и я пришел поговорить, чтобы ты подождал. А еще лучше — дал людям жить спокойно. Жить, любить, торговать, строить, растить детей.

Помолчав и не сводя глаз с Перуна, Таргитай продолжил:

- Каждая война — это огромный шаг назад! Приходится отстраивать города и села заново, вновь ждать, пока вырастут дети. К тому же, эти дети будут расти без отцов... Ведь их принесут тебе в жертву на поле брани. Воины всегда убивают друг друга во имя твое! Вскидывают окровавленные мечи и топоры к небу, слава и восхваляя *тебя*, Перун.

Перун слушал, то отводя взгляд, то вновь глядя на Таргитая, что сидит на расстоянии вытянутой руки — через стол. Когда дударь закончил говорить, бог некоторое время молчал. Затем одним мощным глотком опрокинул в себя вино из кубка и со стуком опустил на стол.

- Ты говоришь все верно, - признал он. - Так и было испокон веков. Но теперь, Таргитай... конкретно с этой грядущей войной... Я не причем.

Дудошник изумленно вскинул брови.

- Как не причем? Ты же у нас — бог войны, дружин да воинской славы.

Перун кивнул и развел руками.

- Недавно что-то случилось, и это что-то сильно поменяло расстановку сил. У людей стало больше свободы в принятии решений. Не только мелких, что касаются лично их, но и таких, как начинать или нет войны, в частности. Как бы я ни хотел сказать, что они все еще делают это по моей воле — отныне это не так. Теперь они решают сами. Идут на поводу своей злости, жадности, мести. Само собой, они будут меня славить, и я вкушу тысячи жертв! Как же иначе.

- И что же такого случилось? - спросил Таргитай в недоумении.

Перун рассмеялся.

- Ты и твои друзья пустили ко дну Гермерон. Рыжий волхв, леший его побери. Это он расколол остров и утопил, вместе с магами, древними знаниями, оружием и храмами.

Таргитай вытаращил глаза.

- И какая тут связь?

- А пес его знает, - признался Перун, пожимая плечами. - Но только Гермерон был неким древнейшим центром силы что ли... Затопив его, вы затопили и древнюю безграничную власть богов над людьми. Вы дали людскому роду больше свободы и самостоятельности. И теперь,

Таргитай, тебе разбираться с последствиями этого. Я тоже слышал, что Артания собирается идти войной на кыявов. На кой черт ты показал им кусок Алатырь-камня и побудил отправиться на поиски? Если бы не ты, войны бы не было.

- Я...- пробормотал Таргитай ошарашенно. - Я хотел дать им средство...чтобы объединились и жили в достатке, чтоб были счастливы...

- Ну вот, - хохотнул Перун. - Ты наступил на те же грабли, что и всегда. Насильно никого в вирий не затащишь. Ты дал им повод для раздора, Сварог. Сам принес, на блюдечке. И неча винить меня. Хотя, я должен сказать тебе спасибо. Такой войны, какая грядет, давно уже не было. Я получу изрядно жертв, так сказать, расправлю плечи. Может, и сам приму участие, тряхну стариной! А то, знаешь ли, засиделся. Надо двигаться, иначе задница к стулу прирастет так, что хрен отдерешь!

- Хрен отдерешь твою задницу? - уточнил Таргитай с удивлением. - А то ходят слухи, что...

- Ой, да пошел ты...- огрызнулся Перун. - Не путай меня с богами эллинов! Я не какой-нибудь там смазливый Аполлон.

Глава 4

Сидя на троне в малом зале для аудиенций, регент тцара Волота Пуртан в ожидании прихода советников, перебирал ожерелье с толстыми деревянными бусинами. Это всегда помогало сосредотачиваться, подстегивало мысли. До собрания, что он созвал еще оставалось много времени, но Пуртан явился заранее, чтобы освоиться в новой роли и новой обстановке.

До этого он был помощником тцара Волота, как теперь это называют «секретарем». Мелким и малозаметным. Носил всюду за тцаром корзину с бумагами и гусиным пером. Даже его телосложение и цвет лица делали его незримым для приближенных тцара — артанских вельмож и воевод.

Худосочный, переболевший в детстве всеми мыслимыми хворями, и едва не отправившийся на тот свет. Некоторые называли его за глаза «крыса» - за бледное вытянутое лицо и тихое поведение. Даже голос его всегда звучал тихо, приглушенно, на высоких тонах, точно мышинный писк. До того, как стать секретарем, он служил воеводой на кордоне с Вантитом. А еще Пуртан был известен жадностью — греб золото при малейшей возможности. Когда Волот выбрал его в регенты после долгих раздумий, поговорив с советниками да воеводами, Пуртан обрадовался, так как регентство даст все шансы устроить, а то и удесятерить богатство, а еще и позволит завладеть землями.

За время отсутствия тцара, Пуртан твердо вознамерился тихонько выпisać себе княжеский титул и солидный кусок земли со множеством деревень и городов, чтобы по возвращении Волота, спокойно туда удалиться, постепенно крепнуть и набирать сильное войско, чтобы в будущем претендовать на трон Артании. Все же его, Пуртана, назвали в честь самого Перуна! Кому как ни ему сидеть на троне и славить бога войны и доблести! И это все при условии, что Волот вернется. Ибо тцар отправился на столь опасные и безрассудные поиски, еще и теперь соперничество с Имиром, что оба могут сгинуть по дороге или в бою друг с другом.

Кроме того, Пуртан ненавидел тцара Имира лично. Росли они практически вместе — Пуртан играл с тцаревичами, вместе обучался ратному делу. Но однажды Имир так над ним подшутил, что Пуртан со страха намочил портки. Разумеется, тцар Колвир велел младшему тцаревичу извиниться перед сыном старшего советника. Но Пуртан затаил обиду, поклявшись отомстить. Страшно и жестоко. Так, чтобы Имир жалел о содеянном до конца своих дней. Теперь же, когда пришел приказ от Волота идти войной на Куявию, лучше возможности для мести и придумать нельзя.

Первым делом Пуртан распустил советников, что служили Волоту и назначил тех, кого хорошо знал лично и с кем рос при тцарском дворе. Пуртан справедливо рассудил, что свои люди поддержат любое его решение и не станут задавать вопросов. Особенно, если дать им разбогатеть, как никогда раньше. Но только после него!

Его мысли прервал стук открываемых дверей. В зал один за другим принялись входить новые тцарские советники — крепкие, увитые мышцами, точно толстыми змеями, но некоторые с животами через пояс. Все либо полуголые, но в подбитых собольим мехом плащах, демонстрируя фигуру и мускулы по старинному артанскому обычаю, либо в кафтанах из шелка и парчи.

На шее у каждого тускло поблескивает золотая гривна, а у некоторых отлитая из золота фигурка медведя, старинного символа Артании, или сделанные из золота амулеты в виде звериных черепов. У многих на поясах висят топоры, с которыми не расставались еще в бытность простыми воинами в далеком прошлом. Все выбриты по артанскому обычаю, но вот чубы уже давно отпускают не все артане. И голову брить стали редко.

- Доброго здоровья, тцар Пуртан, - приветствовали они, отвешивая земные поклоны и рассаживаясь по лавкам у стен деревянного тцарского терема, украшенного медвежьими шкурами и роскошными, привезенными из Вангита коврами.

- Здрав будь, ваше величество!

- Да хранят тебя боги, тцар!

Пуртан вытянул руки ладонями вниз, призывая к молчанию. Все восемь советников расселись и теперь внимательно смотрят на тцара в ожидании его слова.

Пуртан оправил соболью красную мантию, потерябил искусно выделанную гривну из золота и серебра с изумрудами на шее поверх шелковой туники, и оглядел собравшихся.

- Вы все вчера слышали, что сказал в этом самом зале примчавшийся от тцара Волота гонец, - проговорил Пуртан. - Его величество Волот повелевает идти войной на Куявию! И мой долг как хранителя трона и защитника Артании в его отсутствие — повиноваться беспрекословно!

- Я глубоко скорблю о гибели тцаревича Рамзагана от подлых рук куявского тцара и его воинов, - продолжил он, обводя взглядом советников. - Куявы должны отомстить за преждевременную смерть Рамзагана! Я знал его и любил! Но подлый тцар Имир отнял его жизнь подлым ударом. Это нельзя оставить безнаказанным!

Поднялся грузный советник Лашбар, поклонился.

- Дозволь слово молвить, мой тцар.

Пуртан милостиво кивнул, уже начиная привыкать, что ближайшие, поставленные им подданные уже величают его тцаром. За ними — начнут это делать и остальные.

- Мы все скорбим. Гибель тцаревича — это ужасная весть, - молвил Лашбар. - Но ты погляди на артан, тцар. Мы в последний раз воевали чуть ли не сто лет назад, когда в Артанию вторглись дикие кочевники с гор! С тех пор артане, можно сказать, заплыли жиром. Топоры многие умеют только метать в деревянные мишени и не более!

- К чему клонишь? - спросил Пуртан холодно.

- Надо слегка приукрасить смерть тцаревича, - предложил Лашбар, опустив глаза.

- Все верно, мой тцар, - поддержал сидевший у противоположной стены Куранат, с повязкой на правом глазу. - Надо раструбить по всей Артании, что Рамзагана взяли в плен, пытали, били батогами и плетью.

- Надо сказать, что после страшных пыток — его распяли на воротах! - высказался Оленак, высокий, худой, с выпирающими изо рта передними зубами. - А пока умирал, куявы метали в него ножи ради забавы и хохотали!

- А его самых верных воинов, что неотступно следовали всюду в бою, - добавил Кирсан со шрамом под левым глазом и сломанным носом, - заперли израненных в избе и сожгли живьем! Мы этого не забудем и не простим!! Вот тогда артане действительно ринутся убивать куявов, ваше величество! А иначе никто жопу с печи не сдвинет! Им же дома хорошо — под боком жены, дети, жрать есть чего, жизнью рисковать отвыкли. Мы из воинов превращаемся в земледельцев, правда хреновых. А так — вскочат и пойдут пускать куявам кровь! Еще и награбленное добро в Артанию привезут!

Пуртан удивленно приподнял брови, кивнул с одобрением.

- Неплохо придумано. В конце концов, как гласит древняя мудрость, на войне все средства хороши. Раньше артане были сильнее и выигрывали за счет храбрости и силы. И эти качества в нас остались, но они — дремлют! Нам нужно разбудить артан, растолкать спящего медведя!

Он посмотрел на советников.

- Где случилась битва, в которой погиб тцаревич?

- В Рандосском лесу, мой тцар, - отвечивал Лошбар.

- Ну вот, - кивнул Пуртан удовлетворенно и провел ладонями по резным подлокотникам трона. - Артания будет мстить за тцаревича Рамзагана и его дружину, подлю убитых при Рандоссе. Куявия содрогнется от нашего справедливого гнева!

Поднялся советник по кличке Пригоршня, поджарый и лысый, как коленка, ибо на его голове уже давно не растут волосы.

- Дозволь еще слово молвить, тцар, - сказал с поклоном.

- Говори, Пригоршня, - поощрил Пуртан.

- На окраинах снова свирепствуют жестокие разбойники. Нападают на деревни, сжигают дома и пашни. Убивают мужчин и насильничают жен и дочерей.

- Проклятые нелюди, - сказал тцар, сжимая кулаки на подлокотниках трона. - Вели отправить туда своих отборных воинов, Пригоршня. У тебя в дружине ветераны, что воевали вместе с вантыйцами, отражая набеги кочевников, пять лет назад. Пусть наведут порядок.

- Как прикажешь, мой тцар! - ответил советник, снова поклонился и сел. - Слушаюсь.

- Как надоели эти ушкуйники, - проговорил тцар негромко, но чтобы слышали все советники в зале. Пальцы крепко стиснули деревянные бусы. Затем поднял взгляд на внимающих подданных, сказал яростно: - Мы будем гнаться и карать их везде! В корчме, значит, в корчме, в лесу, значит, в лесу. Даже если в хлеву или нужнике настигнем со спущенными портками, то затопчем и там!

Когда спустя несколько дней артанское войско среди ночи вступило в воды пограничной реки Дунара, освещая путь факелами, казалось, две реки слились в одну — людская и водяная. Здесь неглубоко, кони спокойно переплыли, неся на спинах легко вооруженных воинов. Вылезали на пологий противоположный берег, махали хвостами и приседали, стряхивая воду. На артан со всех сторон полетела водяная пыль с животных.

Пришпоривая медленно двинулись дальше — впереди в темноте видны очертания сторожевых башен и прикордонной крепости куявов.

Два куявских воина коротали ночь на крепостной стене, ходя туда-сюда между двумя башнями. Крепость и расквартированный в ней отряд уже давно бездельничает, с соседями-артанами уже больше ста лет как мир, дружба да торговля, поэтому они даже не смотрели в сторону раскинувшейся за Дунарой Артании.

В древние времена, когда два царства враждовали, и артане ходили в регулярные набеги, стоило только запалить сигнальные костры в каждой из башен, как огонь моментально зрели в крепостях более отдаленных. Там уже собирались крупные войска, а сигнал опасности передавали огнями дальше — и так до самой стольной Куябы.

- Ну что, Варт, - сказал один из часовых, подавляя широкий зев. - Спорим ты такой жирный, что отсюда до вон того края стены не допрыгнешь?

- Иди в задницу, Мердун, - отозвался Варт лениво. - Я не жирный. Я упитанный! И прыгать никуда не собираюсь. Тоже мне, нашел зайца.

- Ну еще бы — поднять такую тушу в воздух — ты же не божья птаха, - заржал Варт, - а, скорее, лесной вепрь. Вепри да кабаны не летают, ха-ха-ха!

Он дружески хлопнул товарища по плечу в легкой кольчуге. Раздался едва слышный металлический лязг.

Мердун глянул в сторону реки и тут же изменился в лице.

- Эй, Варт! - сказал он с тревогой, указывая в сторону воды. - Что это? Какого лешего?!

Из Дунара выплеснулось великое множество огней, Мердуну показалось, что там несколько сотен, а то и тысяча, и стали медленно, как разлившаяся огненная река, двигаться в их сторону.

- О, боги! - воскликнул он. - Беги будить дружину, Варт!! Я запалю костры!!

Они не успели. Раздался тихий свист, и Варт схватился за горло. Захрипел, глаза выпучились. Он тяжело рухнул со стены вниз. Следующая стрела ударила Мердуна в глаз. Тот рухнул на деревянный помост поверх стены, на котором стоял.

Через несколько мгновений, на стену по веревкам проворно взобрались двое полуголых артан. Тихонько спустились по приставным лестницам. По дороге неслышно перерезали горло еще трем куявским воинам. Вдвоем сняли тяжелый засов и распахнули ворота. Затем один подхватил с земли выпавший из рук убитого пылающий факел, вышел за ворота и принялся отчаянно махать в воздухе.

Заметив условный знак, первая сотня артан пришпорила коней. За ней помчалась вторая. Они ворвались в крепость, круша и убивая выскакивающих из бараков заспанных воинов. В живых не оставили никого. Особо яро сопротивлявшихся жестоко зарубили, не оставив живого места и превратив в обезображенные, залитые кровью трупы.

С восходом Пригоршня повел громадное войско дальше. Пуртан специально доверил ему, так как этот советник в прошлом бывалый наемник, воевал в заморских странах, в том числе в Мавритании, Славии и Элладе. Там дослужился до высоких чинов, у него в подчинении были сотни и тысячи отборных воинов, где каждый стоил пятерых новобранцев. За ним числилось множество громких побед.

В Артании Пригоршня держал множество таверн, руководил готовкой в царском дворце. Однажды даже лично прислуживал за столом Пуртану, когда тот еще был обычным вельможей. Также у него была отборная дружина сильнейших и закаленных в боях воинов, которые могли впадать в боевой транс на поле боя, сокрушая любого, иногда даже превосходящего численностью противника.

Войско артан двинулась вглубь Куявии, рассчитывая за несколько дней дойти до стольного града и если не взять Куябу штурмом, то хотя бы осадить, пока из Артании подойдут дополнительные дружины.

Пригоршня разделил армию, пустив несколько отрядов в разные стороны на разведку и веля уничтожать мелкие отряды куявов при встрече. Ежели крупные, то разворачиваться и заманивать в ловушку. Пуртан велел сжигать деревни — для устрашения. Воинов убивать. Мирных селян вроде как велел не трогать, кто потом будет пахать для артан захваченные земли, но это распоряжение прозвучало настолько туманно, что Пригоршня велел своим молодцам особо не вредить крестьянам, но и спуску не давать — если нужно, для острастки полезно и зарубить пару-тройку, разрешил он.

Бывалый свирепый воин Каргот возглавил одну из высланных вперед сотен. Артане помчались навстречу восходящему розовому солнцу на горизонте. Светило напоминало огромного горбатого зверя, что поднимался из розовых глубин небесного моря.

Пока скакали по пустой степи, где лишь изредка зеленеют холмы, да темнеют рощи, солнце поднялось, сделалось привычно ярко-желтым, начало слепить глаза. Впереди показалось золотистое поле у реки. Там кажущиеся издалика мелкими фигурки крестьян, что с утра собирают урожай — срезают колосья, вяжут стопы. Каргот жестом указал туда, артане прищипорили коней.

Полуголые мускулистые воины на черных конях ворвались в золотистое море колосьев на полном ходу. Разбегающихся с криками крестьян принялись рубить топорами, не вылезая из седел. Мужчины хватали вилы, даже сумели сбить с коней и заколоть пятерых воинов. Каргот рассвирепел, велел не щадить никого.

Мужчин жестоко рубили. Женщин сначала тоже, но потом воины стали со смехом загонять их конями, выпрыгивать из седел. Сразу по трое-четверо хватали молодых красивых крестьянок, заваливали на землю. С треском разрывали на них сарафаны и платья и поочередно с хохотом насильничали.

Когда насыщали плоть, без разговоров перерезали горло. У одной убитой юной девушки артане на животе и грудях вырезали остриями ножей перекрещенные топоры — символ Артании. Затем повторили на другой, еще живой. После этого ей небрежно размозжили череп обухом топора. На свежие трупы с жужжанием начинали слетаться рои толстых зеленых мух, укрывая их живым, копошащимся саваном.

Карготу показалось, что вдалеке, возле края поля, среди золотистых колосьев мелькнула убегающая фигурка. Не думая, ведомый яростью, пришпорил коня и погнал вдогонку. Воины проводили сотника взглядом и принялись проверять тела, добывая тех, кто еще жив.

Они не заметили, как в небе приближалась, разрастаясь, черная точка. Наконец, кто-то увидел, привлек внимание остальных. Черная точка все укрупнялась, росла. Стали заметны крылья, хвост.

- Что это за птица такая? - полюбопытствовал Ирмиз хмуро.

- Хрен его знает, - пожал плечами Арнат, вытирая о рубаху убитого крестьянина топор от крови. - Но что-то очень уж крупная.

Фертак тоже всмотрелся, приложив ладонь козырьком ко лбу, заслоняя глаза от слепящего взор солнца. Ему показалось, что рядом с птицей появилось еще две. Такие же крупные, черные, но еще и немного отливают радужным оттенком, блестят в солнечных лучах.

Вокруг от ветерка покачиваются еще не срезанные колосья — крестьяне только начали сбор урожая в этой части большого поля, и поле колышется вокруг сколько хватает глаз.

Каргот мчится вперед, нагоняя убегающую фигуру. Уже рассмотрел, что это мальчишка лет семи. Артанин на миг отвлекся, тут же вернул взгляд на прежнее место, но мальчик пропал. Он пустил животное вперед медленно, и сам всматривается в золотистое море колосьев вокруг. Край поля совсем близко, впереди поле немного расчищено — видно, что здесь уже успели поработать.

Зоркие глаза рассмотрели прячущуюся фигурку за грудой снопов. Артанин остановил коня.

- Выходи! - велел хмуро. - Хватит прятаться. Ты же — мужчина! Должен быть бесстрашным!

Мальчик нехотя, медленно вышел. На нем холщовая рубаха, на ногах лапти. Каргот заметил, что руки мальчугана дрожат. Глаза синие, как небо, кудрявые русые волосы рассыпаются по плечам. Смотрит испуганно, очи раскрыты широко, но старается не выказывать страха.

- Зачем вы убили моих родителей и сестру? - спросил он. - Мы вам ничего не сделали!

- Они пытались убить моих воинов, - сказал Каргот нехотя. - И вообще — вы — куявы. Ваш тцар подло убил сына нашего тцара. Поэтому теперь вы все несете наказание! Скоро все эти земли будут под властью Артании!

У мальчика глаза налились слезами, он сжал тонкие губы. Он очень напомнил Карготу оставшегося в артании младшего брата, Пернака.

Каргот почувствовал, как рука тянется к поясу, а пальцы сами собой обхватывают рукоять боевого топора. В конце концов, это тоже куяв, а, значит, враг — вырастет, будет ненавидеть артан. Сотника охватило жжение от нахлынувшей ненависти. Ощутил, как налились горячим теплом скулы от резкого прилива крови. Подлых куявов надо убивать в зародыше! Он медленно потащил топор из ременной петли.

- Драконы! - раздался тревожный крик. - Чертовы драконы!!

- Куявы!! Нападают!!

Каргот в тревоге обернулся — к полю снижается три громадных летающих змея с седоками на шипастых спинах. Он в детстве слышал легенды про драконов Куявии, но живую никогда не зрел. Это оказались величественные, прекрасные существа с черной и зеленой кожей и радужным брюхом, словно сложенным из самоцветов.

Они по очереди с ревом раскрыли огромные пасти, и на поле хлынули гигантские струи пламени. Колосья вспыхнули мгновенно, пламя занялось, побежало дальше, охватывая поле. Вновь от рева содрогнулась земля, и огонь извергнулся снова. Маша огромными, как паруса,

крыльями, гигантские летучие звери держатся в воздухе, поливая огнем поле, где артане оказались заперты, как в мышеловке.

До Каргота донесся громкий звук ревушего пламени. В нем тонули истошные крики заживо сгорающих воинов. Не думая, сотник схватил мальчика за шкуру, поднял и посадил перед собой. Пришпорил коня и погнал вперед, туда, где близко край поля, за которым темнеет лес. В спину ударила волна жара. Слева и справа начали вспыхивать снопы и растущие колосья, пламя стремительно выросло.

Машинально прижал мальчика к груди, закрыв широкими, как ворота, плечами, защищая от ревушего пламени. Что было мочи погнал коня меж двумя стенами огня. Со всех сторон пышет сильным жаром, кожа на лице и теле нагрелась так, что можно жарить яичницу. Струями катится пот, но капли тут же высыхают от немыслимого жара. Он ощутил, что сгорает заживо. Прижатый к груди малец притих, сидит неподвижно, прижавшись к нему, словно Пернак когда-то давно.

Каргот ощутил запах паленых волос, длинный чуб болтается туда-сюда на тщательно выбритой голове. Рев пылающего пламени сделался настолько громким и близким, что, казалось, оранжевые, клубящиеся стены вот-вот сомкнутся, и они сгорят мгновенно и страшно. Он вновь ударил в бока коня, понуждая скакать быстрее. Навстречу метнулось пламя и дым, но конь прыгнул вперед, и в тот же миг они оказались на чистом воздухе. Под ноги коню метнулась трава, рев и жар пламени остались за спиной.

Проскакав еще немного и подставив лицо спасительному встречному ветру, обернулся — поле полыхает целиком, в небо валят клубы черного дыма, в его сторону докатываются волны нестерпимого жара. Воздух дрожит, поднимается волнами, и кажется, что пылает не настоящее поле, а кто-то наколдовал морок.

Мелькнула мысль, что вряд ли кто из его воинов сумел вырваться — все были слишком далеко от края поля, когда убивали куявов и глумились над селянками. Куявам, можно сказать, повезло. По сравнению с тем, что испытали артане, они умерли легкой смертью, подумал Каргот мрачно. Дурни. Насиловать надо на глазах у мужей и братьев, чтобы терзались, ибо не в силах помешать и остановить!

Каргот остановил коня, соскочил на землю и аккуратно снял мальчугана. Посмотрел в его большие синие глаза.

- Ты знаешь, куда идти? Где твой дом? Родные? - спросил он.

Малец торопливо кивнул, тонкие губы шевельнулись, он прошептал:

- Было очень страшно! Огонь до самого неба! Это боги разгневались?

Артанин покачал головой. Не стал говорить, что мальчика чуть не изжарили свои же! Хотя что им там было видно с такой высоты. Они видели только врага.

- Беги домой. Сегодня тебе повезло.

- Спасибо, дядя артанин, - сказал мальчик. Повернувшись, торопливо побежал к лесу. Приглядевшись, Каргот рассмотрел реку за обрывом, и расположенные на берегу, крошечные с такого расстояния, домики, где из труб поднимаются тонкие струйки дыма.

Каргот принялся обтирать коня пучками травы, стирая выступивший от дикого жара пот. В некоторых местах заметил небольшие ожоги, шкура коня там покраснелась. От прикосновения к пятнам конь болезненно дергался и ржал. Сотник подумал, что у него самого, наверняка, тоже где-нибудь ожоги, все тело горит, точно рыба на сковородке, но на такие мелочи настоящий артанин не обращает внимание!

Вскочив на коня, Каргот погнал животное к реке. Несся с обрыва вниз, глядя, как мир вокруг сливается в сплошную цветную полосу, а синева воды несется навстречу. С разгона загнал коня в воду, подняв тучу брызг. Соскочил, воды оказалось по шею, и он с наслаждением ощущал, как речка, будто руки любимой женщины, нежно ласкают плечи, спину, заживляя свежие ожоги.

Поплескавшись еще немного, медленно побрел к берегу. Вода ручьями стекает с него и с коня, с журчанием возвращаясь назад. Резко налетел ветер, над головой пронесся огромный крылатый силуэт, на миг закрыв взойшедшее в зенит солнце. Чертыхнувшись, Каргот вскочил в седло и поскакал прочь. К лесу.

За спиной и над головой слышал громкое хлопанье крыльев. Один раз услышал рев, но вовремя успел свернуть — струя огня толщиной с бревно прошла мимо, опалив траву. Снова инстинкт подсказал ему рвануть в сторону, и исторгнутое драконом пламя ударило в ясень. Дерево мгновенно вспыхнуло, превратившись в громадный факел. Быстро обернувшись, сотник увидел за спиной трех крылатых змеев, что летят, понукаемые седоками-куявами, невысоко над землей.

Лес впереди стремительно приближается. Вместо сплошной стены, артанин различает отдельные широкие в обхвате деревья, что раскинули ветви и сплели их между собой. Еще немного, и он оторвется, а там уже отыщет своих! Пригоршня будет рад, что выжил хоть кто-то. Возможно, он еще не знает, что кюавы выпустили драконьих наездников!

Сверху упала тяжелая сеть. Конь споткнулся, Каргот слетел, кубарем покатился по земле, отбивая все тело и запутываясь еще сильнее в сеть с металлическими грузами. Перед глазами заплескали разноцветные огни, небо и земля принялись меняться местами, точно скачущее на полном ходу колесо. Наконец, вращение прекратилось. Каргот распластался на земле, чувствуя, как в черепе пульсирует боль, голова кружится, а все тело ломит, словно долго избивали дубинами. Над ним склонились три расплывающихся бородатых лица.

- Попалась ворона! - захохотал один, высокий, русоволосый, с плечами широкими, как городские ворота. - Вяжите его и крепите на спину моему Беркуту. Повезу пленника лично!

- Ингвар, - спросил другой резко, - а не проще добить? Эти твари убили наших селян! Мирных!!

- Делай, что велено, - буркнул Ингвар. - Посмотрим, что эта сволочь расскажет о своих друзьях, которые перешли реку и льют здесь кровь мирных людей.

Он замахнулся, и удар отправил Каргота в кромешную тьму.

Глава 5

Толстый, как столетний дуб, столб света обрушился из сумрачного неба на землю, освещая все вокруг себя и переливаясь сполохами молочного огня. Неспешно едущий конный отряд во главе с Имиром остановился, всадники натянули поводья, глядя на возникшее на расстоянии брошенного камня чудо с беспокойством и восхищением одновременно.

Кони принялись беспокойно перетаптываться по траве, вставать на дыбы. Послышалось нервное ржание, но воины спрыгнули на землю, принялись гладить животных по мордам, придерживая за уздечки и нашептывая ласковые слова, чтобы успокоились.

Взгляды то и дело бросают на полыхающий впереди столб чистейшего белого света, который, как поют кошунники, ни больше, ни меньше, чем сам Свет Первотворения, когда Род сотворил мир, расколол Яйцо и бросив в одну из его половин перо — так получилась земля с горами, лесами, морями и реками. Из второй же половины Яйца вышла небесная твердь, где расположен и вирий, где обитают бессмертные боги и все души умерших людей, кто заслужил этой чести.

Имир, глядя на столб света настороженно, слез с коня на землю. Поправив на поясе ножны с мечом, медленно направился в ту сторону — явно же неспроста это чудо объявилось прямо на дороге. Не иначе, какой-нибудь знак от богов! Или — предостережение.

Воины провожают тцара обеспокоенными взглядами, тревожно переглядываются.

- Мой тцар, не ходи! - крикнул сзади верный сотник Брагор. - Или дозволь пойти с тобой! Вдруг это ловушка!

- Стой, где стоишь, - велел Имир, вскидывая длань, и сотник нехотя остановился. На всякий случай обнажил меч, готовый ринуться в бой за тцара, ежели обрушится напасть, пусть даже магическая и посланная самими богами!

Имир сам положил ладонь на рукоять меча, но, скорее, по привычке. Некое чувство подсказывает, что опасности тут никакой. Наоборот, по всему телу разливается приятное тепло, будто вернулся домой, и здесь не то что пальцем не тронут, но еще и помогут, подскажут, вразумят. По коже побежали легкие мурашки, волосы мягко взъерошил налетевший ветерок. Металлический панцирь и кольчуга под ним едва слышно позвякивают при каждом шаге. Ноги в кожаных сапогах приминают ярко-зеленую траву.

Ему навстречу шагнула окутанная ослепительно ярким, бело-золотистым сиянием, фигура. Столб света словно издал едва слышный вздох, когда человек вышел из него на траву.

Имир остановился, как вкопанный. Высокий широкоплечий парень в волчовке и ношеных портках, за спиной громадных размеров меч. Волосы цвета спелой пшеницы слегка выются и касаются мощных, как морские валуны, плеч. Глаза синевой могут соревноваться лишь с небом в солнечную и безоблачную погоду. Он узнал Таргитая-Сварога — того самого, что явился на пиру и песней поведал ему и Волоту, а заодно всем присутствующим о волшебном камне — Кладенаре.

Таргитай сделал несколько шагов и остановился. В руках бога сама собой, будто из воздуха, оказалась та самая дудочка, на которой играл во время своего появления на пиру. От бога исходит едва заметное золотистое сияние.

Воины позади Имира, узрев Сварога, изменились в лице. Кто-то принялся в испуге хвататься за обереги на шее, кто принялся успокаивать вновь перепугавшихся коней. Остатки потрепанной в бою с артанами дружины смотрят с недоверием, в глазах опаска, что если сейчас нападет этот вышедший из света бог, то вряд ли отобьются, зато умрут с честью и с оружием в руках, как подобает настоящим героям!

Таргитай поднес к губам дудочку, и оттуда полилась неземной красоты мелодия. Имир ощутил, что от бога исходит покой и доброта, он ни за что не нападет, не ударит в спину.

Наоборот, он здесь, чтобы помочь или сообщить нечто важное. Песня Таргитая лилась и лилась. В воздухе, как и тогда на пиру, возник золотистого цвета угловатый камень размером с кулак, со множеством граней и выступов. От Кладенара исходит сияние, окутывая его, словно кокон.

Затем картинка сменилась, и Кладенар растворился в воздухе. Имир узрел вокруг себя...город. Улицы и дома до боли напоминают Куябу да и любой другой крупный город в родной Куявии. Вокруг царит ночь, но многие дома полыхают, охваченные огнем. С неба один за другим падают крупные пылающие камни, некоторые размером с лошадиную голову, другие размером с кузнечные наковальни. Каждая при падении оставляет в ночном небе яркий огненный след и падает в дом, дворец или просто на выложенные брусчаткой улицы.

Стоит грохот, сильный запах гари, вокруг сполохи пляшущего огня. Имира едва не сбили с ног мечущиеся вокруг в панике люди — женщины с детьми на руках, мужчины, подростки, старики... Все бегут, кричат, лица искажены ужасом... На них играют отблески огня от пылающих вокруг домов.

В одну из таких групп угодила рухнувший с неба огненный камень, Имир едва не оглох от разорвавших ночной воздух истошных криков боли и ужаса. Они тут же стихли. Ему показалось, что от этого удара погиб весь мир, резко перестал существовать, словно на него наступила огромная незримая обычному людскому взору нога, раздавив, будто червяка на дороге.

Видение растаяло, но музыка продолжала играть. Имир обнаружил себя посреди обычной деревни — вдоль дороги ярко полыхают охваченные огнем избы. На улицах конные полуголые артане. Не вылезая из седел, настигают и рубят топорами убегающих женщин и стариков. Крестьяне встречают их вилами, плотницкими топорами, но артане их безжалостно рубят, топчут конями. Со всех сторон доносятся крики, конское ржание. В углу двое артан завалили на землю молодую женщину, задрали подол и принялись ожесточенно насиловать. Она кричала и захлебывалась слезами. Рядом лежит мальчуган лет семи с окровавленной разрубленной головой. Поодаль к воротам копытами прибито неподвижное тело старика.

Видение исчезло, и тцар вновь оказался в степи на траве под серым пасмурным небом. Мелодия Таргитая смолкла, бог опустил дудочку и посмотрел с сочувствием.

- Куяба... - прошептал Имир. - Куяба... Вся Куявия... - Он посмотрел на Таргитая. - Сварог, неужто это все будет или есть...из-за артан?!

Дудошник медленно кивнул. В синих, как само небо, глазах - скорбь и сочувствие.

- Я не дам этому случиться! - воскликнул Имир решительно, чувствуя, как к лицу приливает кровь, а в груди закипает ненависть. - Сейчас же назад! Дадим артанам достойный отпор! Они заплачут кровавыми слезами!! Я не брошу свой народ на растерзание!

Сварог покачал головой, и вновь перед взором тцара возник испускающий золотое сияние Кладенар. Сварог словно говорит: «Ты обязан найти камень. Что бы не случилось!»

В руках Таргитая появился желтый с многочисленными гранями, выступами и даже затвердевшими пупырышками камень. Имир узнал золотой слиток. Бог принялся без труда мять его пальцами, словно это не твердый металл, а кусок глины. Под пальцами Таргитая податливое золото быстро превратилось в вытянутую узкую пластину. Затем, он вылепил браслет с крупной головой волка и протянул Имиру.

Тцар медленно принял дар. Таргитай жестом показал, что украшение нужно надеть на левое запястье. Имир так и сделал. В тот же миг браслет сомкнулся под кистью, плотно обхватив руку. Голова волка смотрит вперед маленькими рубиновыми глазами, оскалив пасть.

Тцар ощутил, как его поднимает незримая сила. Земля под ногами исчезла, и мир стремительно рванулся навстречу потоком света и ветра. Перед взором Имира в мгновение ока стали мелькать леса, поля, степь, города, села, выходящие вперед серые ленты дорог, словно он мчится над землей со скоростью ветра.

Мимо стремительно проносятся целые города, высокие каменные дворцы, древние руины с курганами. Наконец, движение резко остановилось, и Имир узрел каменное здание с колоннами и толстыми стенами, испещренными резьбой и древними изображениями. Тут же у входа каменные столбы с вырезанными на них ликами. Тцару показалось среди них - лик Перуна.

В тот же миг видение пропало. Имир вновь оказался на траве посреди степи. Золотой браслет на руке на миг показался таким тяжелым, словно весит, как целая скала. Но это ощущение быстро прошло. Он огляделся — Таргитая и след простыл. Исчез и столб волшебного белого света.

К тцару подбежали воины, окружили. Во взглядах беспокойство. Но Брагор и еще некоторые смотрят с нескрываемым восхищением — как же, тцар только что разговаривал с самим Сварогом! Значит, он в самом деле избран богами для свершения великих дел!

- Все в порядке, мой тцар? - спросил Брагор, глядя то на Имира, то на браслет у него на руке.

- Неужто то был сам... сам Сварог? - спросил высокий воин рядом с ним, глядя большими от изумления глазами.

Подошел и Белояр, хмуро глянул из-под кустистых бровей. Видя, что Имир цел и невредим, одобрительно кивнул.

Остальные воины не смели проронить ни слова, молчали, но в глазах читаются невысказанные вопросы, изумление.

- Да, - обронил Имир, приходя в себя от потрясения. - Это был Сварог. И теперь я знаю, куда идти дальше. Где искать Кладенар. - Он повел усталым взглядом по обступившим его воинам, нашел волхва. - Белояр, останься, надо поговорить. Остальные — привал! Покормите коней и отдохните сами. Потом двинемся дальше! Солнце еще высоко.

Внезапно тцар качнулся, ноги подкосились. Свет перед глазами померк. Белояр вовремя подхватил, не дав упасть. Тело молодого правителя ощущалось слабым, мышцы словно из киселя.

- Брагор! - проревел волхв. - Развести костры! Набить дичи! Тцару надо восстановить силы. Говорить с самим Сварогом — это не семечки лузгать!

Имир пришел в себя от запаха чуть подгоревшего мяса, и тепла пылающего рядом костра. Ноздри затрепетали, он разлепил веки и протянул раскрытые ладони вперед. Белояр вложил в руки здоровенный ломоть еще горячего мяса. Тцар проснулся окончательно, жадно впился зубами, чувствуя, как по пальцам и подбородку течет обжигающий сок.

Он молча жевал и глотал горячее, обжигающее мясо, словно не ел целый год. Ощущал, как в тело и мышцы вливается звериная сила, а слабость, что накатила после встречи со Сварогом, уходит. Тает, как снег в весенних лучах солнца.

Жестами показал, чтобы дали запить. Белояр всучил ему серебряный кубок, тяжелый от темно-красного вина. Тцар принялся жадно пить, чувствуя, как от притока жидкости в теле появляются добавочные силы, а туман, что затмил голову, улетучивается, и ум вновь обретает ясность, а перед предметы и люди перед глазами больше не расплываются, как кляксы на пергаменте.

Тцар посмотрел на пылающий костер, волхва рядом, что тоже ест и пьет, проливая вино на бороду. Вокруг огни еще нескольких костров, там сидят воины, оттуда тянет ароматом жарящегося мяса. Кони пасутся рядом, щиплют траву под ногами.

- Вот это другое дело, - одобрительно заметил волхв, глотая последний кус и допивая вино. - А то упал в обморок, как девка при виде дружины, которая месяц воздерживалась от баб. Ты нам здоровенький нужен, тцар. Здоровенький и, самое главное, живой!

Имир криво усмехнулся, кивнул. Ощутив непривычную тяжесть на левой руке, поднял к глазам запястье и принялся рассматривать подаренный Таргитаем браслет. Выполнен искусно, на золото нанесены непонятные и загадочные черточки, резы, знаки. Массивная голова волка вылеплена умело, торчит сверху, рубиновые глаза зорко смотрят вдаль, зубы в раскрытой пасти угрожающе оскалены. И не скажешь, что его не ковали лучшие мастера-умельцы, а просто сошедший из вирия, или откуда там, бог вылепил пальцами из золота, словно из мягкой глины.

- Это дал Сварог? - уточнил волхв, кивая на браслет. - Для чего?

Имир поднял усталые глаза на Белояра. Рассказал, что увидел, когда надел браслет в первый раз. Волхв задумался, пристально всмотрелся в браслет.

- Что ж, - сказал, наконец, - навряд ли он показал тебе сразу конечную точку. Но, по крайней мере, теперь ты знаешь, куда нас вести.

- Что это было за место, как думаешь? - спросил тцар осторожно.

- Судя по описанию, что ты дал, это старый храм Перуна на окраине Славии. Там где леса заканчиваются, и начинаются горы. Я много о нем слышал, говорят, когда-то Перун там особенно часто являл свою силу волхвам.

- А почему храм теперь заброшен? - спросил Имир, нахмурившись.

- Зришь в самую суть, - усмехнулся волхв. - По преданию, волхвы разозлили Перуна, и он их проклял. Наслал жуткую смерть, и в тот храм теперь боятся не то, что заходить, а избегают к нему даже приближаться. Были смельчаки, что пытались забрать из него храмовые сокровища, но их больше никто и никогда живыми не видел. Вот так.

- Хвала Сварогу, - кивнул тцар. - Он с нами, помогает.

- Меня не оставляет одна мысль, - покачал головой Белояр. - Ежели он явился на пиру вам обоим, и Волот теперь тоже ищет Камень, будет ли Сварог помогать ему тоже?

- Поглядим, - отозвался Имир хмуро.

Имир дожевывал еще один ломоть мяса, когда со стороны леса показались всадники. Трое. Он легко узнал дружинников из своего отряда. Подошел Брагор, прислонил ладонь козырьком ко лбу, всмотрелся.

- Разведчики возвращаются, - пояснил тцару и сидящему рядом волхву. - Отправлял осмотреться, чтоб ненароком вновь не столкнуться с артанами.

- Хвалю, - бросил тцар. Он посмотрел на небо — солнце уже вышло из зенита, постепенно двигаясь на другую сторону неба, заливая мир ярким светом. - Вели собирать лагерь, будем двигаться дальше.

Разведчики приблизились, остановили коней. Все трое спешили и спешно подошли к Имиру.

- Мой тцар, - сказал один, невысокий и коренастый. - Там в лесу избушка. Вышла бабка. Завидев нас, велела передать, чтоб ты к ней заехал. Хочет сказать тебе что-то важное. Говорит, хай тцар Куявии зайдет в гости. Не пожалеет.

- Бабка? - нахмурился Имир. - Откуда она знает, кто я? Вы ей сказали, что ли?

Воины покачали головами, переглянулись. Рыжий сказал нехотя:

- Мой тцар, она ведунья. На избе конский череп, рядом тоже прутья с черепами. Козьими и человеческими. И выглядит так, словно не просто старуха, а водит дружбу с миром Нави. От одного ее вида бросает в дрожь. - Его передернуло, он виновато развел руками. - Видать, карга учуяла твое присутствие. И наше тоже.

- Побольше уважения к старшим, - пожурил Белояр. - Тем более, к ведуньям. Они — женщины все-таки. Карга — у тебя в деревне на завалинке сидит и семечки лузгает.

- А как тогда называть? - удивился воин и почесал в затылке. - Каргуша? Каргуня? Каргулечка?

- Ты смотри, если она все слышит и здесь, - сказал ему товарищ, пихая локтем в бок, - как бы в жабу тебя за такие шутки не превратила. И нас заодно. Так что пасть закрой.

- В жабу — это пустяки, - отмахнулся волхв. - Я вот слышал об одной старой ведунье, что превратила деда в молодого парня, у которого не кончается...гм...мужская сила, и нужная мышца постоянно напряжена. И держала в избушке в подполье на цепи для удовлетворения своих... гм...женских потребностей. А их оказалось амбар и две конюшни! Все-таки в лесу одна живет. Молодость прошла без единого мужика. Так он, бедняга, умолял, чтобы назад в старика и отпустила на все четыре!

- Чур меня! - перепугано сказал разведчик, оглядываясь на лес, и делая жест, отгоняющий злых духов. Непонятно, какая перспектива его больше напугала — первая или вторая. - Чур!!!

Изба ведуньи поражала мощью и ветхостью одновременно. Покосившаяся, из огромных бревен, каких Имир не зрел никогда в жизни. Меж ними темнеют островки мха, зеленые щупальца вьюнка тянутся вверх по потемневшим от времени бревнам. Тяжелая крыша с конским черепом на коньке, казалось, давит на сам дом, словно вот-вот вгонит в землю вместе с массивными куриными лапами, которые держат избу над землей. Кажется, эта изба стоит здесь еще со времен, когда не было ни Артании, ни Куявии, ни прочих тцарств, а по лесам и степям бродили лишь древние герои-богатыри. Сражались со степняками да убивали древних чудовищ да велетов.

Перед входом в землю врыты толстые шесты и заостренные сверху бревна, и с каждого на Имира и приехавшую с ним дюжину воинов взирает пустыми глазницами череп. Тут и человеческие, и козлиные. Тцар даже заметил медвежий.

Дверь со скрипом приоткрылась. Внутри избы горит мягкий свет, словно приглашая тцара внутрь. Имир спешил. Настороженно оглядел поляну, на которой расположилась изба — со всех сторон окружает высокая стена из древних, могучих в объёме деревьев, которые выглядят так, словно растут здесь со времен Великого Льда.

Имир двинулся к двери, от которой к земле ведет небольшая приставная лесенка, но Брагор решительно зашагал рядом, сделал знак еще трем крепким воинам следовать за ним и тцаром. Имир вскинул руку, покачал головой.

- Ждите здесь, - велел он. - В случае чего, отступайте, Белояр вас прикроет. Все-таки он знаком с волшебной, в отличие от вас.

Волхв мрачно рассмеялся, но тцару показалось, что смехом старик попытался скрыть тревогу.

- Но, мой тцар! - возразил Брагор. - Тебе нельзя одному! Эта ведунья...

- Не перечь, - оборвал Имир. - Я тцар, и все, что случается, ниспослано богами. Сварогом, видимо, точно.

Однако чувствовал, что ему не по себе от вида этой избы, и что живущая там ведунья сама его пригласила. Он слышал лишь об одной старухе, которая живет в избушке на куриных ногах, и теперь, когда заметил эти атрибуты у избы, это ему не нравилось. От избы веяло не то, что опасностью, а неизвестностью — Баба Яга кого-то награждает помощью и дельным советом, а кто-то вон остается тут навсегда, как черепа вот этих храбрецов на торчащих из земли бревен.

- Тебе не должны причинить там вреда, - молвил вслед Белояр.

- Ты тоже думаешь, что там та самая Яга? - бросил тцар через плечо. - Говорят, ее уже никто не встречал лет сто, не меньше.

- Она показывается лишь тем, кому сама желает, - сообщил Белояр хмуро. - Так было всегда. Так что ступай и не вздумай навалить кирпичей! Не бзди — не то все село задохнется, не ссы от страха — урожай погубишь, как говорила моя бабка.

- Видать, мудрая была женщина, - едко заметил тцар.

- А то! - отозвался волхв. - Светоч знания во тьме невежества!

Поднявшись по невысокой лестнице, тцар толкнул дверь и вошел. Мгновенно оказался в залитой тусклым светом горнице, дверь за спиной закрыта, словно ее и не открывал, а прошел насквозь.

У окна на лавке старуха в ветхой одежде. Однако Имиру на мгновение показалось, что в ее облике промелькнул лик красивой молодой женщины. В руках прялка, пальцы двигаются, сплетая шерсть в тонкую, светящуюся нить. Лицо морщинистое, точно вырезано из дерева грубой рукой, губы сжаты так, что сразу заметно — зубов у бабки либо нет вообще, либо почти не осталось. Но глаза смотрят живо, остро и пронизательно — прямо на него.

- Здравствуй, бабушка, - проговорил Имир, чувствуя, что его осыпало морозом, и передернул плечами. - Спасибо, что пригласила. - Сам не зная почему, тцар начал выказывать вежливость, словно некая сила заставляет выговаривать именно эти слова.

- Здравствуй, тцар Имир, - ответствовала старуха. - Ты верно угадал — я уже давно не показываюсь людям. Бабу-Ягу может узреть лишь тот, кого она сама выберет. Прошли те времена, когда любой Иванушка-дурачок мог отправиться в путь и зайти ко мне переночевать.

Не зная, что на это сказать, Имир развел руками и кивнул, с глупой, как ему показалось, улыбкой на лице.

- Проходи, садись, - пригласила Яга, поводя дланью и указывая на лавку за столом посреди горницы. - У тебя были тяжкие дни, от твоего меча пал племянник. Простолудину такое непросто пережить, а уж правителю и подавно, хоть ты и не подаешь вида. Без страданий и угрызений совести мы бы остались бездушными зверями. А так — Род вложил свой огонь, и теперь у нас есть душа, которая может радоваться, а может и кручиниться, страдать. Чтоб жизнь медом, как грился, не казалась, нам частенько попадают колючки.

- Все это очень интересно, бабушка, - согласился тцар. - Но ты бы сказала, зачем звала. Меня ждут воины.

Яга посмотрела со снисходительной улыбкой, от которой морщин на лице как будто прибавилось. Старческие пальцы не перестают прясть светящуюся нить.

- Ты случайно убил Рамзагана, - сказала она вновь. - И теперь Куявию ждет страшное время. Смерть, огонь, страдания. Море слез прольют куявские жены и дети по мужьям, братьям и сыновьям. Твой брат приказал начать войну, Имир. И он не остановится, пока не подчинит твое тцарство себе и не зальет его кровью. У тебя нет больше брата. Отныне — Волот твой лютей враг, который желает смерти тебе и страданий твоему народу и всем, кто тебе дорог.

Имир кивнул, отмечая, что покамест не услышал ничего нового. Однако слова Яги разбередали свежую рану в душе, что только-только начала заживать.

- Должен ли я отыскать Кладенар? - спросил неожиданно сам для себя и поднял пристальный взгляд на старуху. Голос прозвучал приглушенно, хрипло, словно вопрос дался с неимоверным трудом. - Или же мне воротиться и защищать Куявию от артан?

- Если даже ты повернешь, - отвечала Яга, - Волот — и не подумает. И если добудет волшебный камень, тогда от Куявии точно не останется камня на камне. Ты должен ему помешать! В Кладенаре - великая сила. Столь мощного магического предмета уже давно не видели в мире Яви. Он — последний. Остальные уже найдены магами и осели в их высоких башнях. Куявию защитят и без тебя, но если упустишь Камень, и он окажется у Волота, всему конец, Имир! Твой долг — заполучить Кладенар. Ради Куявии. Ради всего Троецарствия!

Тцар мрачно кивнул. Открыл было рот, чтобы ответить да поблагодарить, но ощутил, что не может вымолвить ни слова. Рот онемел. Ноги словно сделались ватными, не в состоянии сделать ни шагу.

- Ступай, Имир, - молвила Яга. - И помни мои слова.

В мгновение ока тцар, сам не зная как, оказался снаружи, на поляне посреди темнеющего леса. Каким-то образом он пропустил закат. Неужто пробыл в избе Бабы Яги так долго? Воины и Белояр смотрят вопросительно, однако на лицах ни капли удивления, словно он вышел из избы своими ногами, а не перенесся мгновенно, благодаря волшебству.

- Возвращаемся! - велел Имир и одним прыжком оказался в седле.

Лес и темнеющее небо сперва расплывались, дрожали, но затем вновь обрели четкость. Вернулись лесные запахи, стрекот сверчков в траве. Вдали послышалось уханье совы. Глаза черепов на кольях начали светиться багровым светом, словно в пустые глазницы положили угли. Однако самой избы и след простыл, словно ее никогда и не было. Воины в ужасе переглянулись, начали делать знаки, отгоняющие злых духов.

- Назад в лагерь! - повторил тцар громче и, пришпорив коня, помчался вперед. Воины и Белояр последовали за ним. Волхв не на шутку встревожился — в отличие от воинов, он-то ясно видел, что из избы тцар не выходил, а появился на поляне прямо из воздуха!

Глава 6

Войско артан все дальше двигалось вглубь Куявии, таща за собой телеги и обозы с провиантом, снаряжением, походными кузнями. Артанские дружины с красными стягами, на которых перекрещенные топоры и вставший на дыбы медведь, казались разлившейся в половодье рекой. Армия Пригоршни делилась на тысячи и сотни, а также отряды помельче, разъезжалась в разные стороны. В то же время крупный боеспособный костяк сохранялся, его вел вперед сам тцарский советник Пригоршня.

Артане захватывали мелкие деревни, брали штурмом города. Часто им открывали ворота, но и тогда они убивали всех способных носить оружие мужчин, чтобы не оставлять за спиной потенциальных врагов.

Задержались возле крупного города Харкина, но внутри оказалась крепкая боеспособная дружина, и они успешно отбили несколько артанских атак. Тогда Пригоршня велел оставить две сотни воинов для дальнейшей осады, а сам двинул войско дальше — в направлении стольного града Куябы.

Против артан ополчились простые куявы в селах и деревнях, даже на мелких хуторах. После столкновения с армией куявского бера Партока, в чьи владения они залезли, артане потеряли почти весь отряд. Выжившие полдюжины воинов, изможденные и израненные, увидели хутор и вломились туда. Живущая там одна старуха Ладора пожалела артан и усадила за стол, выставила яства, достала из погреба квас. Однако в квас подмешала слабящих трав.

Артане уплетали стряпню на обе щеки, обильно запивая вкуснейшим квасом. Однако вскоре им скрутило животы, и все шестеро выбежали в отхожее место — просторный сарай с глубокими ямами в земле. Пока там сидели, не в силах двинуться с места, старуха Ладора наложила снаружи на дверь тяжелый засов, облила сарай маслом и подожгла. Ни один артанин не спасся. Их истошные крики эхом звучали в воздухе, пока сарай полыхал жарким пламенем, выбрасывая в небо столб черного дыма.

В другом селе, израненные после боя артане потребовали у местных селян дать им пару домов для ночлега, пообещав сохранить жизнь. Куявы послушались и вновь напоили артан пьянящим зельем, которое на целый день укладывает в беспробудный сон. Пока артане спали, куявы хладнокровно перерезали каждому горло. Трупы закопали, вместе с доспехами, оружием и щитами, тщательно скрывая все следы их пребывания.

После десятка таких случаев молва о хитрых и жестоких куявах разлетелась и дошла до основной армии. Воины теперь смотрели в оба, удвоили осторожность. Пригоршня запретил принимать еду от местных, и разрешил только отбирать. Велел убивать женщин, а также старого и малого без разбора при одном лишь подозрении, что они замыслили лихо.

У города Бахтум артане столкнулись с крупным отрядом куявов. Те налетели на закованной в тяжелые доспехи коннице, втоптали артан в землю. Подоспевшее подкрепление оттеснило куявов в город, и они заперли ворота изнутри, готовясь к долгому штурму. Артане ринулись на приступ, но их головы полилась горячая смола, посыпались валуны.

Приставные лестницы с бегущими по ним воинами сбрасывались со стен. Воздух дрожал от пронзительных криков боли, свиста падающих с высоты тел, яростных приказов идти в атаку. После нескольких дней неудачных попыток штурма, артане двинулись дальше, вновь оставив вокруг города несколько мелких отрядов, чтобы не дать возможность куявам пополнить запасы провизии.

Однако некоторые куявы решили воспользоваться нападением и извлечь выгоду. Секретарь наместника города Кирнас по имени Турний ночью вышел через подземный ход к осадившим город артанам и предложил сдать город. Артане пообещали щедро вознаградить. Среди ночи Турний открыл ворота изнутри, впуслав врага.

Бросившихся на защиту воинов и других мужчин обезумевшие от ярости артане жестоко перебили. Турния распяли на воротах. Ему вскрыли живот и натолкали камней, комьев земли с муравьями, даже сунули туда гудящее осиное гнездо.

К концу второй недели продвижения артан на горизонте показался стольный град. Башни и стены Куябы с такого расстояния кажутся миниатюрными, словно детский игрушечный город, вырезанный для забавы из дерева. Металлические и гонтовые крыши дворцов и пики башен блестят, искрятся в солнечных лучах. На городских стенах поблескивают точки — туда-сюда ходят одетые с ног до головы в доспехи куявские воины. Ветер треплет знамена, что изда-лека выглядят как крохотные сине-зеленые полосы.

Сидя на могучем вороном жеребце, Пригоршня поднес ладонь козырьком ко лбу и всмотрелся вперед, прикидывая расстояние до Куябы. Затем опустил руку и повел взглядом вокруг — по обе стороны и позади собрались тысячи доблестных артан, готовых ринуться в бой и умереть героями, ежели придется.

Лица воинов веселы, радостно сияют — артане тоже смотрят на Куябу и уже прикидывают вслух, сколько награбят добра, сколько местных баб перещупают и задерут подол, чтобы сполна насладиться победой. Все, как на подбор, крепкие, плечистые, молодецкая удаль прет через край. Некоторые подбрасывают над собой топоры, те взлетают в небо, ярко блестят на солнце, и тут же ловят за рукоять, даже не глядя. Затем кидают снова, соревнуясь в ловкости и быстроте.

Пока артанская рать почти не встречала серьезного сопротивления, размышлял Пригоршня, лишь пару раз отрывающиеся от основного войска артане сталкивались с сильными дружинами куявов. Но то были войска местных беров, что пытались защитить свои земли и уголья. Сам же куявский тцар или, скорее, наместник, войск супротив артан еще покамест не высылал.

На горизонте, немного ближе Куябы, показалось крохотное черное пятно. Оно принялось стремительно приближаться, словно кто-то незримый гонит пинками по небу, точно снежный ком. И, как снежный ком, пятно быстро укрупняется, растет, увеличиваясь одновременно в стороны и вверх и вниз. Пригоршня всмотрелся в небо, брови хмуру сшиблись на переносице. Восседающему рядом на коне волхву Черемесу ветер треплет седые волосы, он обронил едва слышно:

- То не простое облако. Волшба.

- Думаешь? - буркнул Пригоршня, не отводя взгляд от неба, что начало хмуриться. Поднялся ветер.

Артане перестали притихли, наблюдая, как приближается и на глазах пугающе быстро растет да чернеет странное облако. Стремительно превращается в громадную грозовую тучу. Огромная масса людей замерла, послышались разговоры, теперь уже не веселые и задорные. В голосах зазвучала настороженность и тревога. Тысячники и сотники начали выкрикивать, отдавая приказы перестроиться, на всякий случай быть готовыми к любым неожиданностям — здесь же земля подлых куявов и магии. От них всего, что угодно можно ожидать.

- К бабке не ходи, - заверил Черемес мрачно. - Где-то рядом колдун.

На Пригоршню упала тень, он ощутил как голые мускулистые плечи обдало холодом. В небе полыхнула молния. Еще одна. С неба обрушился дождь. Со всех сторон послышались крики. Пригоршня в недоумении принялся озиаться — с неба сыплются крупные куски чего-то блестящего. Лед! Услышав шум летящего предмета, машинально вскинул руки над головой. По тыльной стороне ладоней резко и сильно ударило острым, тяжелым. Под ноги коню упала массивная ледяная глыба, вытянутая, с заостренным концом. Упав на траву, принялась слабо дымиться.

Глыбы посыпались на артан, как из прорехи в мешке. Падают на огромной скорости, бьют по головам плечам. Донесли крики изумления и боли — кому раздробливает черепа, и те

замертво валятся на землю с коней, кому царапает голую спину, плечи, и те просто стискивают зубы от сильной боли, либо не выдерживают, и у них вырываются проклятия и крики.

Артанское войско пришло в движение, по рядам конников пронеслись панические крики.

- Отходим! - хрипло заорал Пригоршня, разворачивая коня. - Все назад!! Живо!!

- Сделай что-нибудь! - гаркнул он волхву.

Старик вскинул руки, и Пригоршне показалось, что ушей коснулось едва слышное гудение, словно над головой образовался огромный рой шмелей. Пришпорив коня и вскинув голову, узрел, что ледяные глыбы бьются о незримый барьер, не долетая до него и волхва. Черемес продолжает держать увитые браслетами из золота и кости руки поднятыми, пальцы растопырены, а конем правит коленями, как истинный артанин.

Огромное войско, что занимает степь, сколько хватает глаз, помчалось назад, стремясь уйти из-под огромной черной тучи, которая сыплет ледяными глыбами. Доносится хруст проламываемых черепов, крики. Земля задрожала от грохота копыт.

Из тучи посыпалось яркое, святающееся, похожее на гигантские перья. Падает на голые спины и плечи воинов, и те истошно орут, сильнее пришпоривая коней. Пригоршня рассмотрел огненные хлопья, что валятся с неба на войско, сменив ледяные глыбы.

В панике и ужасе несущиеся вперед артане налетают на менее расторопных товарищей, тех выкидывает из седла прямо под копыта мчащихся коней. Со всех сторон раздается чавканье, хруст, истошные крики тех, кого топчут. Тут еще и с земли начал подниматься дымок, затем там заблестело ярко-оранжевым.

Воевода в ужасе рассмотрел, как то здесь, то там на траве появляются огненные квадраты, мерцают, от них валит дым. Попавшие на такой пятачок земли всадники жутко кричат, кони отзываются истошным ржанием, когда наступают копытами в огонь и расплавленную землю.

- Колдун! - заорал кто-то в мечущейся толпе всадников. - Нас атакует колдун!!

- Проклятая тварь!! Попадись только!! Глаза вырву, руки переломаю!!!

- Смотрите, - крикнул другой артанин во все горло. - Вона башня!!

- Черная Башня!!

Посмотрев в сторону, куда указывает всадник, Пригоршня заметил поодаль высокий и широкий в обхвате столб из матового черного камня. Башня сужается от низа к верху. Он не заметил дверей, внизу сплошной камень, где, на первый взгляд, и лезвие ножа не просунуть, и лишь высоко наверху - одно единственное окно.

Башня едва заметно мерцает, то сливаясь с окружающим степным пейзажем, то ярко выделяясь чернотой, словно что-то случилось с прячущей ее магией, и теперь Башня стала видна. Однако колдун внутри все еще делает попытки спрятаться, в то же время продолжая поливать артан огненным дождем и поджигать землю.

Присмотревшись, воевода заметил и другие Башни стоящие правее — в направлении Куябы. Они стоят и дальше по дороге к столице, хоть их и не было видно ранее. Черные гиганты стоят на защите стольного града, молчаливо возвышаясь в пустынной степи.

- Отходим! - вновь гаркнул Пригоршня. - Все отходим!!! Прочь от Башни!!

Воинов одновременно развернули коней и огромной волной погнали в противоположную сторону от колдовской Башни. Все, кроме одного. Тцарский воевода заметил одинокого всадника, что помчался навстречу Башне.

- Куда?! - рявкнул Пригоршня. - Назад, дурень!

Волхв рядом, занятый магической защитой, промолчал. У него по щекам градом катится пот, промокшие пряди седых волос прилипли ко лбу. Мышцы рук и плеч напряглись, словно удерживает на себе небесный свод, не давая упасть и раздавить все живое на земле.

Толпа артан замедлила скачку, остановилась. Среди воинов полетел шепот, дошел до воеводы.

- Заговоренный!!

- Горт Заговоренный!!

- Ну сейчас этой Башне конец!! Ха-ха-ха!!

Пригоршня посмотрел на смело несущегося на коне к Башне артанина. Он, как и многие молодые воины, предпочитает не брить голову и оставлять чуб по старинному обычаю, а отпускать волосы, подобно куявам, вантийцам и славам. Черные, как вороново крыло, волосы Горты треплет встречный ветер, играет гривой его гнедого коня. Свободный от бороды подбородок вызывающе выпирает вместе с нижней челюстью — бороды они по-прежнему бреют, соблюдая обычай.

Еще немного...- думал Пригоршня напряженно, пристально провожая взглядом. - Еще немного...!!!

Конь под смельчаком на полном скаку умело перепрыгивает дымящиеся огненные пятна. Горт пригибает голову, избегая попадания ледяных глыб и огненных хлопьев с неба. Наконец, доскакал до башни, привстал в стремях и... У Пригоршни от изумления глаза полезли на лоб.

Горт Заговоренный пополз по отвесной стене, цепляясь кончиками пальцев за одному ему заметные щели, хотя на расстоянии кажется, что Башня из цельного куска камня, и зацепиться там не за что. Видать, и вправду заговоренный, мелькнуло у воеводы. Дай-то боги!

Боевой топор болтается на поясе, при каждом движении бьет по бедру. Конь с громким ржанием встал на дыбы, молотя копытами по воздуху. Прямо под ним возникло огненное пятно, и животное истошно заверещало от страшной боли, сгорая заживо.

Тем временем Горт уверенно двигается вверх по отвесной стене. Вскарабкавшись до единственного окна, артанин нырнул внутрь. Оттуда донесся треск ломаемой мебели, звуки ударов, яростные крики. В тот же миг из окна кубарем вылетел старик с перекошенным от ужаса лицом. Ветер мгновенно растрепал седые волосы, раздул черную мантию, словно крылья громадного летучего змея.

Маг рухнул на землю. В тот же миг огненный дождь прекратился. Земля перестала покрываться пылающими пятнами. Пригоршня вонзил шпоры в бока коню и помчался к магу, который все еще был жив. За ним хлынули воины, победно крича и чествуя Горту Заговоренного. Воздух заполнили радостные крики.

Маг приподнялся, по лицу стекает кровь, грудь и правый бок тоже промокли от красного. Сквозь прорванную мантию торчат сломанные ребра. Старческое лицо искажено гримасой сильнейшей боли от падения с такой высоты.

Его моментально окружили конные воины. На лицах торжествующие улыбки, артане скалят зубы, потрясают в воздухе оружием. Взгляды обещают куявскому магу долгую и мучительную смерть. Вскинув руку, маг простер длань в сторону Башни. Рассмеялся, но тут же скривился от резкой боли, прострелившей его насквозь, точно стрела.

Торжествующие и радостные крики нарушили шум и грохот. Сперва тихий, но с каждым мгновением все громче. Пригоршня бросил взгляд на Башню, и глаза в ужасе полезли на лоб. Громадное высотное строение...покачнулось и с надрывным каменным скрежетом стало заваливаться. Прямо туда, где вокруг умирающего мага собрались уже празднующие победу артане.

Он в ужасе пришпорил коня, гоня его прочь.

- Назад!! - рявкнул он. - Все назад!!!

Артане бросились врассыпную, погнав коней прочь. Воевода успел отъехать в сторону, уйдя с траектории падения Башни. Огромный и широкий в обхвате столб из черного камня с оглушительным грохотом рухнул на землю, накрыв собой не успевших отъехать артан и самого куявского мага. Воздух разорвали и тут же оборвались громкие истошные крики. Башня рухнула, подняв гигантское облако пыли. Земля угрожающе содрогнулась.

Истекающий потом Пригоршня подъехал к ждущему поодаль изрядно поредевшему войску. Лысый воевода с трудом сидит в седле, но старается держать спину прямо, по привычке

гордо раздвигает плечи. И лишь по бледному, блестящему от капель пота лицу видно, что тцарского советника едва не хватил удар.

- Вина! - хрипло бросил он.

В войске началась суета, по рукам принялись передавать бурдюк с вином. Сунули в требовательно протянутые руки Пригоршни. Воевода схватил и припал к нему. Долго и жадно пил, запрокинув голову. Было видно, как под кожей на горле туда-сюда двигается кадык.

Наконец, вернул бурдюк, вытер тыльной стороной ладони губы. Устало велел:

- Отъедем подальше и станем лагерем! Живо! Вперед! А пока думайте, как уничтожить эти проклятые Башни! Они мешают подойти к Куябе и сравнять ее с землей!!

Артане снялись с места, погнав коней с телегами и обозами. Огромные каменные обломки все еще купаются позади в облаке пыли.

Пригоршня обернулся на виднеющуюся вдали Куябу с башенками, крышами домов и дворцов, окруженную высокой и мощной стеной. На пути вновь заметил поднимающиеся в небо силуэты Черных Башен. Теперь их видно отчетливо, словно они больше не скрываются, уже открыто продемонстрировав убийственную мощь.

Тцарскому воеводе показалось, что на миг явственно ощутил пристально следящие за ним и артанами взгляды — не то засевших там магов, не то самих колдовских Башен, будто они — живые создания!

Глава 7

- Рад видеть всех, - обратился Ярослав к собравшимся в тронной палате высокопоставленным берам. Он погладил короткую редкую бороду, машинально провел ладонями по ярко-зеленому кафтану, поправил красный плащ, подбитый соболиным мехом. - Как вы знаете, наш светлый тцар Имир отправился на поиски волшебного камня с благородной целью — рад процветания всей Куявии! А меня на время своего отсутствия оставил стеречь трон и всю страну от посягательств врагов!

Собравшиеся в просторной палате со стенами, украшенными росписями из золота, серебра, с изображениями героев древности да стародавних битв, дюжина беров, что являлись ближайшими советниками Имира, одобрительно загудели. Почти все беры моложавые, подтянутые, блестят легкими парадными доспехами. И лишь некоторые уже в возрасте, через пояса переваливаются животы, а седина давно посеребрила головы.

Они в недоумении посматривают на полдюжины крепких дворцовых стражей, стоящих у закрытых дверей, прямо здесь, в палате. Никогда прежде ни тцар Имир, ни его отец Кол-вир не позволяли воинам присутствовать во время обсуждения государственных дел с советниками-берами!

- Увы, стоило тцару отлучиться, - продолжил Ярослав хмуро, - такой враг немедленно нашелся! Артане вторглись в наши западные пределы. Они жгут дома и убивают мирных жителей. Наши беры в своих землях дают им отпор, но это все пока очень точно, и враг продолжает шествовать по нашей земле! На днях только Черные Башни помешали артанам подойти прямо к Куябе! Хвала древним магам из Атлантиды, что их возвели, пока контролировали эти земли задолго до появления Куявии.

Беры молча смотрят в ответ, переглядываются, ждут, пока наместник тцара закончит говорить.

Ярослав обвел взглядом собравшихся, откинулся на спинку отделанного золотом трона.

- Имею также вам сообщить, - сказал он, - что мы изобличили предателей в наших рядах! К сожалению, что им сходило с рук до вторжения артан, теперь не лезет ни в какие ворота. Но меры уже приняты, и угроза устранена почти целиком.

- А теперь, уважаемые беры, - продолжил Ярослав, - прошу высказываться. Если есть предложения, как скорее прекратить кровопролитие на нашей земле, говорите! Гибнут простые куявы, селяне, которые пахут землю, разводят скот... Артане ведут себя недопустимо жестоко, объявив нас и тцара Имира чуть ли ни исчадиями Тартара. Тцара же они обвиняют в якобы подлом убийстве тцаревича Рамзагана, что пал в бою в Рандосском лесу. Он надел доспехи Волота, и Имир сразил его в честном бою, уверенный, что сражается с братом!

Ярослав прокашлялся, взял со столика рядом кубок с водой и сделал глоток.

- Но артане забыли, что такое — честь, - вновь заговорил он. - Пуртан врет артанским воинам, что Рамзаган был замучен до смерти! Говорит, что мы тут в Куявии — не люди, а звери! Будто пьем кровь младенцев и грешим мужеложством! Да, да! Мне и такое донесли! Они стремятся облить нас грязью, чтобы легче захватить всю Куявию и отдать под власть Пуртана и Волота! Они хотят вновь объединить наши тцарства, как было в глубокой древности! Но мы не допустим! Куявия никогда не ляжет под Артанию и не встанет под ее знамена! Поэтому всяк, кто будет заподозрен в измене, будет сурово покаран! И пощады не ждет.

Поднялся грузный бер с толстыми щеками и мешками под глазами.

- Дозволь слово молвить, Ярослав.

- Говори, Елнак, - кивнул наместник. - Ты один из старейших советников Имира.

Елнак оглядел собравшихся, как бы ища поддержки, потом вновь посмотрел на ждущего его слов наместника.

- Яросвет, Артания слишком сильна! Ее воины свирепы, не чета нашим... Увы. У нас не хватит сил, чтобы в долгую биться с Артанией.

- Что же ты предлагаешь? - спросил Яросвет.

- Сдаться... Пока не пролилось еще больше крови, - молвил Елнэк негромко.

У противоположной стены поднялся поджарый бер средних лет в чешуйчатой стальной кольчуге, пустив по палате едва слышный металлический звон.

- Говори, Медведчар, - поощрил Яросвет.

- Он прав, наместник, - сказал бер, кивая на Елнака. - Нам не выстоять против артан! Они не воевали долгие годы. Пусть и слегка обленились после войны с горцами, но стоит им ощутить вкус вражеской крови и макнуть в нее топоры, как прежний свирепый дух вернется к артанам!

Медведчар обвел взглядом внимательно слушающих беров. По лицам видно, что многие не одобряют, кривятся, а то и сжимают челюсти, багровея от гнева.

- Если станем всерьез противиться и позволим войне затянуться, теперешнее кровопролитие покажется детской игрой, Яросвет! Тцар оставил тебя, чтоб ты защищал Куявию. Ежели велишь сдаться, тем ее и защитишь! Если станем сопротивляться, артане сотрут нас в порошок! Обесчестят наших жен! Полонят детей! Проглотят Куявию и не подавятся! Я этого не желаю! Я люблю Куявию, и потому думаю, что надобно покориться! Попробовать откупиться, как это всегда делали. Авось, получится, и артане воротятся по домам. Куявия богата, и у нас золота не убудет! Великий Род дает жизнь человеку всего один раз! Яросвет, давай же сохраним Куявии жизнь ради более благородных целей, чем просто лечь под артанские топоры!

Поднялся шум, ропот. Остальные беры принялись шикать на Елнака и Медведчара, осыпая их проклятиями и упреками.

Яросвет молча наблюдал, затем вскинул длани, призывая к тишине.

- Тише, досточтимые, тише!

Тцарские советники нехотя замолчали, но на лицах ярко написано недовольство и гнев по поводу слов, что Елнака, что Медведчара.

Наместник обратил взор сперва на одного, затем на другого.

- Елнэк, Медведчар, - сказал он, наконец. - Мне известно, что вы были среди тех, кого тцар Имир думал оставить на троне в свое отсутствие. И ежели бы один из вас сейчас был на моем месте, уверен, вы бы поступили именно так, как и предложили. Вы бы закончили эту войну, просто позволив Артании проглотить наши земли, присоединив их.

- Мне также донесли, что вы давно в сговоре с артанам и регулярно получаете от Волота золото даже не сундуками, а мешками! - Яросвет глянул на стоящих у входа воинов. - Взять этих двоих и — в темницу! Стеречь, как зеницу ока!

Воины моментально оказались подле каждого из беров, заломили руки за спину. Гремя доспехами, повели Елнака и Медведчара к выходу.

- Ты пожалеешь, Яросвет! - кричал Медведчар с налитым от гнева кровью худым лицом.

- Ты слишком зеленый, чтобы править Куявией и решать такие дела!

- Будь ты проклят, Яросвет!! - прохрипел Елнэк, когда его выводили из палаты. - При тебе Куявия утонет в крови!!

- Зато не сдается озверевшему врагу и не склонится перед подлым и жестоким Волотом! - ответил Яросвет громко, глядя ему в лицо.

Когда обоих вывели, один из беров, Гостомил, нарушил молчание.

- Ну что ж, Елнэк проглотил свой же елдак! Ха-ха-ха!

Тцарская палата содрогнулась от хохота, казалось, даже цветные стекла в сводчатых окнах, пропускающие свет закатного солнца, задребезжали. В смехе беров слышалось явное облегчение.

- У нас есть только один выход, досточтимые, - вновь заговорил Яросвет, дождавшись пока смех стихнет, и беры утрут выступившие от хохота слезы, - мы можем сдержать врага и победить его, если стряхнем пыль с оружия, которым почти не пользуемся уже десятки лет!

- Нигде, кроме Куявии, не выращивают огнедышащих драконов, - продолжил тцар. - Настало время поднять их в воздух вместе с наездниками, чтобы выгнать артан с наших земель!

- Ты прав, тцар, - заметил Гостомил.

- Мудрая мысль, государь, - кивнул сидящий рядом Отромак.

Остальные беры согласились, также обратившись к Яросвету как к тцарю.

Он вскинул руки.

- Какой я тцар, помилуйте! Наш единственный тцар — Имир! Прошу не забывать!

Отромак поднялся, громадный, высокий, звякнув добротной, отделанной самоцветами кольчугой, поправил на поясе меч.

- Пока Имир ищет Кладенар, в ответе за Куявию и наш народ — ты, Яросвет. А стало быть, ты и есть тцар на это время! - Он посмотрел за поддержкой на остальных. - Ура куявскому тцарю Яросвету!!

Остальные немедленно поддержали — встали с лавок, принялись кричать, вскидывая длани:

- Ура! Ура! Тцар Яросвет!!

- Да здравствует Яросвет! Защитник земли куявской!!

- Многие лета!!!

- Ура!!!

Когда собрание окончилась, и беры покинули малую тцарскую палату, Гостомил отвел Отромака в сторону и негромко сказал:

- Елнака с Медвечаром наверняка бросят в застенок. Надо теперь раструбить по Куяве, что Яросвет — жестокий тиран. Пусть народ его возненавидит. Тогда все пойдет как по маслу.

Отромак задумчиво кивнул, проговорил:

- Елнэк и Медведчар были необходимой жертвой. Кто-то должен был предложить сдаться без боя. Теперь уже ясно, что это не сработало. Найдем другие пути.

- А тебе что в этом? - полюбопытствовал Гостомир. - Тоже пообещали, что твои земли не тронут? И золотишко, а?

- Мой удел само собой, - кивнул Отромак, - и золото, куда без него. Да и умный всегда выберет правильную сторону. Победу явно одержат артане. А ты?

- Мне важно, кто больше заплатит. Яросвет не предложил ничего. Потому выбор очевиден. К тому же, Куявия собиралась напасть первой. Артания опередила на пару-тройку дней.

Отромак посмотрел скептически.

- Откуда сведения?

Гостомир пожал плечами.

- Артане сказали.

- А если брешут?

- Да мне-то что. Плевать.

Они помолчали, стоя у окна и глядя с высоты на крыши и минареты Куябы, на заполненные людьми улицы и площади, вновь обдумывая ситуацию.

- Ну ладно, а с драконами что? - спросил Гостомил с тревогой. - Они и правда могут помешать артанам, еще как могут!

- Не бойсь, - заверил Отромак насмешливо. - Пошлю своих людей. Они все решат.

Глава 8

Степь с островками леса медленно проплывает мимо. Конь под Волотом идет шагом, образ сгорающего на погребальном костре единственного сына не выходит из головы. Пальцы крепко сжимают ожерелье сына с золотыми фигурками оленей, коней, медведей. Рамзаган... Рамзаган... Каким бы дурнем ты иногда не был, все равно ты... мой сын! Надеюсь, в вирии тебе хорошо, ты бьешься с другими дни напролет, а к вечеру раны заживают, убитые воскресают, и вы вместе пируете Вепрем и Медом за бесконечно длинным столом в безразмерных чертогах, где собираются павшие герои!

Он закрыл глаза, крепко зажмурился, затем с усилием открыл. Вонзив шпоры в бока коню, помчался вперед, навстречу вечерней степи, позволив ветру волосы и остудить разгоряченное от тяжелых дум лицо. Солнце превратило небо в море расплавленного оранжевого золота. Диск в небе опускается все ниже, предвещая скорое наступление вечера, а затем и ночи.

Волот понукает коня, тот несет все быстрее. В ушах тцара свистит встречный ветер, приятно холодит лицо, грудь и плечи.

Позади раздался крик, он узнал голос преданного Аслана.

- Мой тцар! Пстой! Негоже без охраны!

По нарастающему топоту копыт за спиной, Волот, не глядя, определил, что с Асланом скачет не меньше десятка воинов. Не оборачиваясь, вскинул ладонь, сжал в кулак, подавая сигнал, на плече красиво вздулись мышцы.

- Но, мой тцар! - донесся голос сотника. - Мы просто будем рядом! Мало ли что!

- Назад! - крикнул через плечо жестко. - Разбить лагерь!

Конский топот за спиной стал отдаляться, стихать и вскоре пропал. Тцар скакал дальше, наслаждаясь одиночеством и тишиной. Ум, который всегда ставил выше глупого сердца и чувств, подсказывает, что сейчас не время предаваться горю. Важно собраться, отыскать Кладенар, ради которого, по сути, и погиб Рамзаган.

Пока что, думал он, Пуртан начал войну с Куявией. Но как только заполучу осколок древнего Алатырь-камня, сила и мощь будут на моей стороне, чтобы там не противопоставили куявы. Против Кладенара не выстоят даже их хваленые драконы. Да, и надо убить Имира!! Смерть сына не останется безнаказанной!

Брат, мелькнула яркая и жгучая, как молния, мысль, я заберу не только твою никчемную жизнь — ты потеряешь и тцарство! Куявия исчезнет с карты! Вновь станет частью Великой Артании, как в славной древности!

Прямо впереди земля задрожала, вспучилась. Волот резко натянул поводья, едва успев остановить коня. Перед ним из-под земли ударил ослепительный огненный столб. Огонь переливается белым, красным, там проскакивают зеленые и голубые, золотые искры, уходит высоко вверх, едва не задевая тяжелые низко плывущие облака.

Волот спешил, в ожидании глядя на полыхающий близко огненный столб. Сердце подсказывает — не иначе, как что-то должно произойти. Не бывает чудес просто так, не бывает! Пальцы машинально сомкнулись на рукояти боевого топора. Могучие покатые, как валуны, плечи раздвинулись, мускулистая грудь с выпирающими плитами мышц выдвинулась вперед. Равно как и нижняя челюсть. Если уж погибать, подумал он, то как герою!

В глубине огненного столба показался человеческий силуэт и... шагнул навстречу. Волот отпрянул — из огня вышел высокий светловолосый юноша в волчьей жилетке и потертых портках. От его голубых глаз исходит неземное сияние, равно как и от огромного меча за широкими, как дверь, плечами.

- Сварог... - пробормотал Волот изумленно. - Что тебе надо?

Не говоря ни слова, Таргитай сунул руку за пазуху и вытащил дудочку. Принялся играть. Едва первые же ноты коснулись ушей Волота, он убрал пальцы от рукояти топора, почувствовав, как напряжение уходит из тела. Он охнул — перед глазами промелькнула картина, от которой осыпало морозом, а к горлу подкатил едкий ком.

Перед ним возникли до боли знакомые улицы Арсы. Охваченные ревущим пламенем дома и терема полыхают, языки огня взмываются к небу ярко-оранжевыми лентами. Пожаром охвачен весь город. В частично скрытом от черного неба пожаров небе мелькают огромные силуэты драконов с распростертыми в полете крыльями. На каждом восседает драконий наездник, по его жесту, из огромной пасти летучей бестии летит толстая струя пламени, и еще несколько домов охватывает ревущее пламя.

Улицы заполнены бегущими в ужасе артанами. Женщины прижимают к груди малых детей, мужчины держат узелки со скарбом. Лица искажены паникой, глаза широко раскрыты в ужасе.

Таргитай продолжал играть, и Волот узрел, что это творится не в одной стольной Арсе — еще многие города Артании полыхают от изрыгаемого драконами огня. Но вот перед ним уже не Артания... По куфвским улицам бегут суровые воины с болтающимися на поясах топорами. На правом плече у каждого нарисованы рядом две руны Совило в виде бьющих, искривленных под двумя острыми углами молний — знак Солнца-Ярилы.

Они врываются в простые избы, в зажиточные дома, рубят мужчин, женщин, детей. Некоторых мужчин выволакивают, связывают за спиной руки и забивают до смерти обухами топоров на улице. В дома бросают горящие факелы, стены и крыши занимаются пламенем, в небо валят клубы черного дыма. Трупы бросают на улице, их с голодным рычанием принимаются пожирать бездомные псы.

Ужасная картинка дрогнула и размылась, сменилась другой, от которой сердце бешено забилося от нахлынувшей ярости. Волот узрел, как разрушенных и сожженных куявских городах артане пытаются куявов каленым железом, выжигая на телах женщин и избитых мужчин клеймом символ Артании — два перекрещенных топора.

Тем временем, в других местах Куявии, куявские воины распинаят артан на стоящих вдоль дорог крестах без верхушки. Заколачивают в запястья толстые железные гвозди, оставляют медленно умирать под палящим солнцем. Словно стоя совсем рядом, Волот смотрел, как в некоторых разбитых среди степи лагерях артанам рубят головы или рассекают мечами от головы до пояса. Кровавое пролитие с обеих сторон смешалось перед лицом тцара в кровавый огненный клубок, покатилося вниз с горы, тут же разрастаясь, подобно снежному кому, что перерастает в сметающую все на пути лавину.

Музыка стихла, и Волот ошарашенно огляделся. Он стоит один посреди продуваемой ветром степи. Впереди темнеет лес. В небе полыхает яркий кровавый закат с примесью расплавленного золота. Столб огня все еще горит прямо перед ним, тут же стоит и Сварог. В руке у дудошника появился похожий на уголь черный камень. Он принялся мять пальцами, без особых усилий, словно простой хлебный мякиш. На глазах у Волота сделал из камня матово-черный браслет с головой волка. У зверя оскаленная пасть, уши торчком, красные бусинки рубиновых глаз смотрят прямо перед собой. Протянул браслет Волоту, и тот с замиранием сердца принял дар! Надо же — от самого Сварога!!

Таргитай молча кивнул на подарок, простер длань, словно веля надеть немедленно. Чувствуя, как начинает бить крупная дрожь, Волот послушно надел браслет. Холодный черный камень плотно обхватил запястье правой руки.

В тот же миг Волоту показалось, что не то он помчался над землей, оседлав ветер, не то мир стремительно понесся навстречу ему, показывая места и земли, в которых он либо никогда не бывал совсем, либо был очень давно. Леса, пустынные степи, широкие и плещущиеся волнами реки летят на встречу, исчезая за спиной. Волот пронесся сквозь людные площади, в

изумлении наблюдая, как мелькают стены и улицы одного города за другим, потом вновь леса, степи, громадные, упирающиеся снежными пиками в небо, горы.

Наконец, полет прекратился. Волот словно бы завис перед огромным каменным строением. Вход украшен величественными колоннами, толстые стены из громадных каменных блоков испещрены диковинной резьбой и изображениями причудливых людей да животных. У самого входа — каменные столбы с искусно вырезанными лицами. В одном из них тцар узнал лик Перуна.

Всё исчезло, и Волот снова оказался в голой степи, где впереди в наступающих сумерках возвышается стена леса. Оттуда веет сыростью, запахом хвои. Повсюду вокруг в траве звонко стрекочут цикады, возвещая скорый приход ночи. В небе тлеет закат с желтой и зеленой полосой. Облака охвачены пламенем гаснущего солнца, что давно скрылось в Подземном царстве, и его следы постепенно исчезают, пожираемые ненасытным Зверем Ночи.

Тцар Артании пошатнулся. Ноги подкосились, но он дачно приземлился на зад. Перед глазами плывут разноцветные круги, то и дело обгаемые красным. Его начало мелко трясти, темнеющий мир вокруг завертелся, будто колесо разгоняющейся телеги.

Собрав последние силы, закричал:

- Ко мне!! Ко мне!!!!

Он рухнул на траву, над ним нависло бесконечное темнеющее небо. Донесся приближающийся топот копыт, совсем рядом раздались встревоженные голоса. Над ним склонились расплывающиеся лица. Он с трудом разглядел среди них Аслана.

- Мой тцар! - сказал сотник обеспокоенно. - Что с тобой?

- Разбить лагерь *здесь*, - повелел Волот негромко, чувствуя, как последние силы уходят. - Костер... Вина, мяса... Живо...

- Будет сделано! - заверил Аслан.

Вскоре Волот пришел в себя от тепла полыхающих рядом костров и запаха жарящегося на огне мяса. Ноздри затрепетали, он поднялся и сел. Вокруг полыхают огни, вокруг сидят воины, жарят забитую дичь, варят похлебку.

Заметив, что тцар очнулся, Аслан протянул миску с ломтями еще горячего с костра натертого золой для лучшего вкуса кабаньего мяса. Поставил рядом пузатый кувшин с вином.

Волот принялся насыщаться, с наслаждением чувствуя, как с каждым прожеванным кусом в тело вливаются свежие силы, вызывая прилив бодрости. Мясо оказалось слегка подгоревшим, но сочным, прожаренным. По пальцу и заросшему щетиной подбородку потекли капли сладкого сока. Вино было прохладным, сладким и не слишком крепким, так чтобы запивать пищу в походе, но не хмелеть.

Тцару показалось, что в лесу блеснул огонек.

- Аслан, - подозвал он сотника. - Разведчиков в лес. Немедля!

Сотник кивнул, отошел дать необходимые распоряжения. Четверо воинов пришпорили коней. Волот смотрел, как они удаляются. Сумерки стусились, на мир опустилась ночь, и теперь лес и пустошь перед ним как на ладони в свете полной луны.

Разведчики быстро вернулись. Остановившись в десяти шагах от костра, где сидел тцар, подошли и отвесили поклоны.

- Мой тцар, - сказал один, высокий, со шрамом на лбу, видимо, главный, - там в лесу домик ведьмы. Изба на куриных ногах. Она призывает тебя. Говорит, имеет сообщить нечто важное.

Волот задумался. Бросил взгляд на полную луну и темную стену леса. Где-то там, среди деревьев, снова блеснул огонек. Таинственный, манящий, загадочный.

- Добро, - сказал он, поднимаясь. - Аслан, бери дюжину воинов. Коня мне!

- Так вот ты какой, тцар Артании, - произнесла старуха Яга с улыбкой, в которой мелькнула насмешка и сожаление одновременно.

Она сидела на лавке у окна напротив входа, когда Волот переступил порог и закрыл за собой скрипучую дверь.

- Чего тебе надобно, ведьма? - спросил он, не став приветствовать. - Зачем звала? И как узнала, что я здесь?

- Я ведунья, - заметила старуха. - Яга. Ведаю много чего, а не только кто проезжает мимо моей избушки. Сбитень будешь, тцар? У меня хороший, свежий.

- Сама пей свое добро, - буркнул Волот.

- А ты не похож на своего брата, - сказала Яга, пристально разглядывая гостя, - хотя нечто общее очень даже есть. Но внутри вы разные. У тебя сердце — черное. А у него — светлое, как белый день.

- Белобог и Чернобог — тоже братья, - заметил Волот. - Но мир держится на обоих.

- Они оба — суть одно и то же, - сказала Яга. - Две стороны монеты. Убери одного, любого из них — и миру конец. Он держится не на черепахе, как многие думают. А на вечной борьбе Света и Тьмы. Но ты и Имир не такие. Он пытается спасти отца, а ты — мечтаешь уничтожить Куявию. А потом и остальные тцарства вокруг. Собрать земли в огромный кулак, возродить скелет, который рассыпался в древности.

Волот небрежно отмахнулся.

- Значит, Имир у тебя побывал, - сказал он. - Что ты ему поведала?

- Гораздо важнее то, что я скажу тебе, - заметила Яга.

Аслан и еще двенадцать воинов терпеливо ждали снаружи, с неприязнью поглядывая на надетые на шесты звериные и человеческие черепа. В свете полной луны кажется, что в пустых глазницах мелькают огоньки, и черепа вот-вот оживут.

- Не нравится мне тут, - признался Грицько, покосившись на черепа, потом на избу на огромных куриных ногах. - Еще и на ночь глядя приехали.

- Не дрейфь, ха-ха! - засмеялся Емерчик. - Но, ежели что, можешь сбегать в кусты. Главное, смотри, чтоб на лешего не нарвался в темноте. Они не любят, когда им на ноги гадят! Ха-ха-ха!

Остальные воины молча смерили их взглядами, лишь ухмыльнулись.

- Тише вы! - шикнул Аслан. - Мы здесь, чтобы охранять тцара. И положим ради него животы.

Распахнулась дверь, и Волот легко спрыгнул на землю, не обращая внимание на приставную лестницу. Куриные лапы, что держат избу, едва заметно присели и снова распрямились, поднимая дом. Тцар дышит тяжело, лицо побагровело от гнева, на левом виске пульсирует жила. Дверь осталась открытой, в избе подозрительно тихо. Только теперь Аслан заметил, что в руке тцар сжимает боевой топор. Когда лезвие попало в пятно лунного света, узрел, что оно обогрено свежей кровью.

Слова Яги не выходят из головы у тцара, сердце все еще колотится от черной ярости.

- *Ты и вся Артания пожжете бурю. Из-за тебя началась война, которой Троецарствие не видело сотни лет! Артания и Куявия содрогнутся до основания, и реки крови зальют ваши земли. Дым от погребальных костров затмит солнце днем и луну ночью. Стоны вдов оглушат тех, кто остался в живых. А живые — позавидуют мертвым!*

- *Имир убил моего сына! Единственного! Которого сам знал с первого дня рождения!!*

- *Останься Рамзаган в живых, - возразила Яга, - он бы вырос в равнодушного и никчемного тцара. В жестокого и кровавого убийцу, вроде тебя. Только хуже. Сам того не зная, Имир избавил свет от исчадия Зла, которому ты бы и в подметки не годился.*

- *Будь ты проклята, старая карга, - процедил тцар, вскидывая топор. - Отправляйся к Ящеру! Будь уверена — мой брат вскоре последует за тобой!*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.